

Дмитрий
ТАБАЧНИК

Проект
«УКРАИНА»

Полководцы
Украины:
сражения и судьбы

Проект «Украина»

Дмитрий Табачник

**Полководцы Украины:
сражения и судьбы**

«ОМІКО»

2012

Табачник Д. В.

Полководцы Украины: сражения и судьбы / Д. В. Табачник — «ОМІКО», 2012 — (Проект «Украина»)

Монография доктора исторических наук профессора Д. В. Табачника посвящена родившимся на украинской земле выдающимся полководцам разных времен – от князей Киевской Руси до генералов и маршалов Великой Отечественной войны. Автор не делит полководцев на «своих» и «чужих» по этническому, религиозному или идеологическому признакам. Ему интересны все рожденные в Украине полководцы, многие из которых внесли значительный вклад в развитие военного искусства – великий князь Киевский Святослав Храбрый и крымский хан Менгли-Гирей, гетман Богдан Хмельницкий и польский король Ян Собеский, белый генерал Михаил Дроздовский и красный начдив Николай Щорс. Особое внимание уделяется череде блестящих полководцев Российской империи и Советского Союза, являющихся общей гордостью Украины и России. В монографии использованы уникальные архивные материалы, мемуары, свидетельства современников. Книга написана увлекательно и ярко, представляет значительный интерес для всех, кто интересуется отечественной военной историей.

© Табачник Д. В., 2012

© ОМІКО, 2012

Содержание

НАВЕКИ ВМЕСТЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ПОЛКОВОДЦЫ КИЕВСКОЙ РУСИ	11
Князь Святослав Игоревич Храбрый	11
Князь Ярослав Владимирович Мудрый	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Владимирович Табачник

Полководцы Украины: сражения и судьбы

*Светлой памяти солдата Великой Отечественной И. М.
Табачника посвящается эта книга*

*Великие примеры – лучшие наставники.
Карл фон Клаузевиц*

НАВЕКИ ВМЕСТЕ

Отечественная военная история – неотъемлемая и чрезвычайно важная составляющая нашего национально-государственного и духовного самосознания. Она является связующей нитью от времен полулегендарных князей Киевской Руси до сокрушивших фашистского зверя маршалов и генералов Великой Отечественной войны и полна великих полководческих побед и подвигов, совершенных во имя защиты родной земли.

Эти победы принадлежат военачальникам родом со всей нашей необъятной земли и в том числе уроженцам Украины, вклад которых в защиту общей Родины и прославление в мире русского оружия переоценить невозможно.

Украинский народ заплатил жизнями многих своих лучших сыновей, чтобы быть вместе с Россией. И именно победы талантливого стратега Богдана Хмельницкого над польскими оккупантами сделали возможным долгожданное воссоединение двух братских народов. Этим гетман-полководец обеспечил Украине возможность стабильного и безопасного развития, а родившиеся на украинской земле полководцы победоносными сражениями сначала в импера-

торской, а потом в Красной армии навечно вписали свои имена в пантеон русской воинской славы.

Они представляли разные национальности многонациональной Украины (так, например, герой Бородина, сражения при Малоярославце и битвы под Лейпцигом генерал от инфантерии М. А. Милорадович принадлежал к древнему сербскому роду), но навсегда остались в истории русскими полководцами.

Победы над, как правило, превосходящими силами противника генерал-фельдмаршалов И. В. Гудовича и И. Ф. Паскевича, генералов М. А. Милорадовича, П. С. Котляревского, М. И. Драгомирова и многих других стали образцом высочайшего полководческого искусства и готовности к самопожертвованию. Без их имен невозможна история Русской армии, как невозможна и история Красной армии без имен Маршалов Советского Союза Р. Я. Малиновского, А. И. Еременко, К. С. Москаленко, П. Ф. Батицкого, генерала армии И. Д. Черняховского, маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко, подлинного гения партизанской войны генерала С. А. Ковпака.

Их победы еще раз показали, что когда русский и украинский народы вместе, то никому, даже самому страшному врагу не дано их одолеть. А наше воинское братство в XIX и XX веках дало возможность не только отразить, до того беспрепятственно прошедшие через весь континент, нашествия Наполеона и Гитлера, но и принести освобождение всей Европе.

Замечу, что Министерством обороны СССР последовательно проводился курс самой широкой популяризации отечественного военно-исторического наследия, что было одним из эффективных методов укрепления боевого духа Вооруженных Сил. На примерах великих предшественников войска и, в первую очередь, офицерский корпус учились не только, как надо воевать, но и воспринимали высокие понятия воинской чести.

Сейчас, после годов позора и развала, забвения и подлого глумления над святынями и символами нашей воинской славы, все более набирает силу процесс государственного возрождения России, а значит, одновременно всех народов и государств исторической Руси. Это тем более важно, что количество врагов, жадно смотрящих на нашу землю, не уменьшилось, а после крушения СССР и вместе с ним биполярного мира институты международного права стали лишь маскировочным прикрытием права сильного.

Ранее разделенные недалновидными и эгоистичными политиками народы России и Украины вновь возвращаются к истокам своего, ничем неразрушимого, духовного единства, которое еще более укрепила совместно пролитая во многих справедливых войнах кровь.

Без сомнения, блестящее, читающееся буквально на одном дыхании, историческое исследование Д. В. Табачника, посвященное выдающимся полководцам Украины, станет значительным вкладом в дело восстановления российско-украинского единства. Только вместе наши народы способны противостоять вызовам третьего тысячелетия, подобно тому, как русские и украинские солдаты – от рядового до маршала – побеждали общих врагов.

*Герой Советского Союза
Маршал Советского Союза
С. Л. СОКОЛОВ*

Биографическая справка

Сергей Леонидович Соколов родился 18 июня (1 июля) 1911 года в Евпатории. В РККА с 1932 года. Закончил Горьковскую бронетанковую школу. Во время боев на озере Хасан в 1938 году командовал танковой ротой. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года. В марте – сентябре 1944 года – командующий бронетанковыми и механизированными войсками 32-й армии Карельского фронта. В 1980–1985 годах руководил Оперативной группой

Министерства обороны СССР в Афганистане. 17 февраля 1978 года С. Л. Соколову было присвоено звание Маршала Советского Союза. С 22 декабря 1984 года по 30 мая 1987 года – министр обороны СССР.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Попытки религиозной, идеологической, языковой унификации Украины предпринимались на протяжении нескольких веков. Брестская уния, петлюровская и большевистско-скрипниковская борьба с русским языком и культурой, попытка после майдана создать из страны заповедник зоологического национализма – вот только некоторые печальные этапы политики силового навязывания народам Украины чуждых им ментально-цивилизационных псевдоценностей.

Для достижения унификации применялась как массированная идеологическая обработка, часто переходившая в применение методов психологической войны, так и прямое насилие. Причем последнее нередко перерастало в массовый террор. Приведем лишь некоторые, наиболее известные примеры последнего – насаждение на православных землях «огнем и мечом» унии, казни в начале Первой мировой войны галицких «москвофилов», трагедия Терезина и Талергофа, погромный террор Директории и «красный террор» мечтавших о мировой революции большевиков, геноцид польского населения и другие преступления против человечества ОУН-УПА.

Но все усилия Кирилла Терлецкого, Ипатия Полеты, Михаила Рогозы, Иосафата Кунцевича, Симона Петлюры, Евгена Коновальца, Христиана Раковского, Николая Скрипника, Афанасия Любченко, Степана Бандеры, Ярослава Стецько, Романа Шухевича, Виктора Ющенко и прочих «душехватов» разных эпох не достигли поставленной цели.

Да, какую-то часть населения применением всего арсенала методов невероятного давления удавалось унифицировать под подготовленный извне стандарт, но, тем не менее, Украина в целом все равно оставалась единой в своем многообразии страной – по К. Леонтьеву – «цветущей сложности» многих культур, языков, мировоззрений и религий.

Остается такой, несмотря на все перенесенные испытания, и современная Украина, территория которой состоит из земель, столетиями входивших в состав разных государств. И было бы безумием, прямым путем к распаду государства пытаться отречься от наследства нескольких великих культур православно-славянской, католической и исламской цивилизаций, подменить его дешевыми мифами наскоро слепленной эрзац-истории.

Отечественная история, после достигнутого на краткий миг государственно-культурного единства Киевской Руси, никогда не прерывалась – просто ее развитие перестало быть прямой линией. Поэтому история стран, бывшие земли которых сейчас являются составной частью Украины, – неотъемлемая часть и нашей истории. История, которой следует гордиться, а не стыдиться или обличать...

Разумеется, относится это и к рожденным на украинской земле (или бывшей ею в определенный исторический период) полководцам. Все они проливали кровь за Отечество, пусть даже, например, земли Московского княжества, которому отдал свой меч Боброк-Волынский, никогда не входили в состав Украины. Победитель на Куликовом поле не был наемником – в войске Дмитрия Донского он сражался за освобождение и воссоединение всех земель канувшей в Лету Киевской Руси, за воссоздание в новой форме их единства времен Ярослава Мудрого.

Для нас должны быть предметом осознанной национальной гордости не только князья Киевской Руси и казацкие гетманы, но и Ян Собеский и Менгли-Гирей, многие другие литовские, польские, крымско-татарские полководцы (не говоря уже о военачальниках Российской империи и СССР – прямых правопреемников Киевской Руси). Иначе современное единство Украины будет сугубо декларативным, не могущим выдержать сколько-нибудь серьезных испытаний.

Сужение цивилизационного пространства Украины местечковым шовинизмом будет иметь катастрофические последствия, о чем прозорливо предупреждал еще Вячеслав Липинский. Как писал великий украинский философ-традиционалист: «Шовінізм український, який є націоналізмом на моду лавочників... і на моду живучих од віттарів «національної віри» інтелігентів, доведе політичну ідею України до загибелі, бо ані дійсні «бакалейщики», ані до чогось здатні інтелігенти... шовінізмом українським не захопляться. У нас він буде репрезентований завжди типами... озлоблених і егоцентричних (закоханих у собі) людей, які своєю безсилою злобою все творче, життєздатне на Україні від України відганятимуть... бути шовіністом – це значить прикривати свою духовну пустку (безрелігійність) і своє руйніцтво: отже, зрадництво, кар'єризм... фанатичними вигуками про «неньку Україну», про «рідну мову», про «ми – українці»... І до чого доведе... ідею політичної і культурної незалежності України – оця інтелігенція скунсової породи, яка його обсіла?»

Гордость за многих выдающихся полководцев является для нас общей с другими странами, но это несколько не умаляет ее значения. Напротив, она является дополнительным фактором геополитически, экономически и культурно необходимого сближения с соседними государствами.

Сближения в первую очередь с братской единокровной и единой Россией, составляющей вместе с Украиной и Белоруссией сердцевину православно-славянской цивилизации. Следует подчеркнуть, что вклад украинцев и в строительство Российской империи, и в строительство ее последующей ипостаси в виде СССР переоценить невозможно. Украина была в них отнюдь не «колонией», а одной из основных несущих конструкций. И полководцы-украинцы и миллионы солдат-украинцев проливали свою кровь не за «чуждые интересы», а за общую великую Родину.

При этом единственным критерием «украинскости» не в этническом (как писал Константин Леонтьев: «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ведь... ни у кого не чиста, и Бог знает, какую кровь любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! Все великие нации очень смешанной крови... Любить племя за племя натяжка и ложь»), а в высшем – государственно-политическом смысле является исключительно почва. Факт рождения на украинской земле, на территории современного государства Украина – единственное условие, чтобы считать полководца украинским.

Конечно, украинским не в примитивно-пародийном, культивировавшемся оранжевыми манкуртами смысле, что «Христос родом из Галиции» и нет ничего в мире, не имеющего украинского происхождения. Подобный убогий подход убогих политиканов ничего, кроме брезливой иронии, в мире вызвать не может.

Речь идет о принципиально ином – о творческом синтезе в государственно-культурном сознании Украины цивилизационных истоков, разноплановость которых делает его настолько уникально богатым.

Это богатство проявляется в полководческом наследии не менее ярко, чем в других сферах государственной и культурной жизни. Немало полководцев Украины внесли огромный вклад в мировую сокровищницу военного искусства. И ярким примерам тут несть числа – морские походы русских князей и гетманов, передовая тактика гетмана Станислава Жолкевского и короля Яна Собеского, навыки штурма крепостей генерала Петра Котляревского, противодесантные операции генерала (ставшего потом адмиралом) Василия Завойко, великое военно-педагогическое наследие генерала Михаила Драгомирова, стратегические наступательные операции маршалов и генералов Великой Отечественной (до сих пор внимательнейшим образом изучающиеся в военных академиях всех стран).

Конечно, невозможно в одной работе написать про всех полководцев, ставших неотъемлемой частью военной истории Украины. Только для рассказа о генералах и адмиралах,

прославивших своими победами Российскую империю, понадобились бы десятки томов. Еще большим является количество родившихся на Украине талантливейших советских маршалов, генералов и адмиралов, подвиг которых спас мир от коричневой чумы и позволил защитить страну в напряженном противостоянии времен «холодной войны».

Поэтому мы постарались выбрать, на наш взгляд, наиболее знаковые и, в то же время, наиболее типические фигуры, каждая из которых в определенной степени олицетворяет свое время, свою эпоху и свою цивилизацию.

Если эта книга станет дополнительным скромным вкладом в строительство поликультурной Украины, частью цивилизационной идентичности которой будет гордость за воинские подвиги наших выдающихся полководцев, а не различного коллаборационистско-ксенофобского мусора истории, мы будем считать свою задачу выполненной.

ПОЛКОВОДЦЫ КИЕВСКОЙ РУСИ

Князь Святослав Игоревич Храбрый

Точная дата рождения Святослава неизвестна – сопоставляя разные источники, можно лишь приблизительно сказать, что она относится к 30-м или первой половине 40-х годов X века. Но зато точно известно, что уже с детских лет князь проявил незаурядные качества воина, позволившие ему в будущем стать одним из наиболее выдающихся полководцев Киевской Руси, внесшим огромный вклад в укрепление безопасности ее границ и рост геополитического влияния в тогдашней ойкумене. Совсем недаром Николай Карамзин посвятил Святославу следующую, соответствующую исторической правде, панегирик: «Таким образом скончал жизнь сей Александр (имеется в виду Александр Македонский. – *Авт.*) нашей древней Истории, который столь мужественно боролся с врагами и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастий изумлял победителя своим великодушием; равнялся суровою воинскою жизнию с Героями Песнопевца Гомера и, снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для неги, показал Русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей».

Не менее восхищенно говорит о Святославе и выдающийся исследователь древнерусской истории академик Борис Рыбаков: «Походы Святослава 965–968 годов представляют собой как бы единый сабельный удар, прочертивший на карте Европы широкий полукруг от Среднего Поволжья до Каспия и далее по Северному Кавказу и Причерноморью до балканских земель Византии».

Похоже, что сама судьба готовила Святославу судьбу полководца. Уже в самом раннем детстве ему пришлось преодолеть тяжелые испытания. С оружием в руках он помог матери одолеть древлянского князя Мала, хотевшего захватить власть в Киеве после убийства древлянами князя Игоря. Об этих драматических событиях «Повесть временных лет» (здесь, как и далее, она цитируется в переводе на современный русский язык академика Дмитрия Лихачева) рассказывает подробно – летописец, несомненно, понимает, что они во многом определили будущее Киевской Руси и были началом становления князя-полководца: «Гордясь убийством как победою и презирая малолетство Святослава, Древяне вздумали присвоить себе власть над Киевом и хотели, чтобы их Князь Мал женился на вдове Игоря, ибо они, платя дань Государям Киевским, имели еще Князей собственных. Двадцать знаменитых Послов Древянских приплыли в ладии к Киеву и сказали Ольге: Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но Князя Древянские добры и великодушны: их земля цветет и благоденствует. Будь супругою нашего Князя Мала. Ольга с ласкою ответствовала: Мне приятна речь ваша. Уже не могу воскресить супруга! Завтра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладью свою, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках... Между тем Ольга приказала на дворе теремном ископать глубокую яму и на другой день звать Послов. Исполняя волю ее, они сказали: Не хотим ни идти, ни ехать: несите нас в ладии! Киевляне ответствовали: Что делать! Мы невольники; Игоря нет, а Княгиня наша хочет быть супругою вашего Князя – и понесли их. Ольга сидела в своем тереме и смотрела, как Древяне гордились и величались, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили их, вместе с ладиею, в яму. Мстительная Княгиня спросила у них, довольны ли они сею честью? Несчастные изъявили воплем раскаяние в убиении Игоря, но поздно: Ольга велела их засыпать живых землею и чрез гонца объявила Древянам, что они должны прислать за нею еще более знаменитых мужей: ибо народ Киевский не отпустит ее без их торжественного и многочисленного Посольства. Легковерные немедленно отправили в Киев лучших граждан и начальников земли своей.

Там, по древнему обычаю Славянскому, для гостей изготовили баню и в ней сожгли их. Тогда Ольга велела сказать Древлянам, чтобы они варили мед в Коростене; что она уже едет к ним, желая прежде второго брака совершить тризну над могилою первого супруга. Ольга действительно пришла к городу Коростену, оросила слезами прах Игорев, насыпала высокий бугор над его могилою – доньне видимый, как уверяют, близ сего места – и в честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. Отроки Княгинины угощали знаменитейших Древлян, которые вздумали наконец спросить о своих Послах; но удовольствовались ответом, что они будут вместе с Игоревую дружиною. – Скоро действие крепкого меду омрачило головы неосторожных: Ольга удалилась, подав знак воинам своим, – и 5000 Древлян, ими убитых, легло вокруг Игоревой могилы...

Ольга, возвратясь в Киев, собрала многочисленное войско и выступила с ним против Древлян, уже наказанных хитростию, но еще не покоренных силою. Оно встретилось с ними, и младый Святослав сам начал сражение. Копие, брошенное в неприятеля слабою рукою отрока, упало к ногам его коня; но Полководцы, Асмуд и Свенельд, ободрили воинов примером юного Героя и с восклицанием: Друзья! Станем за Князя! – устремились в битву. Древляне бежали с поля и затворились в городах своих. Чувствуя себя более других виновными, жители Коростена целое лето оборонялись с отчаянием. Тут Ольга прибегнула к новой выдумке. Для чего вы упорствуете? велела она сказать Древлянам: Все иные города ваши сдались мне, и жители их мирно обрабатывают нивы свои: а вы хотите умереть голодом! Не бойтесь мщениа: оно уже совершилось в Киеве и на могиле супруга моего. Древляне предложили ей в дань мед и кожи зверей; но Княгиня, будто бы из великодушия, отеклась от сей дани и желала иметь единственно с каждого двора по три воробья и голубя! Они с радостию исполнили ее требование и ждали с нетерпением, чтобы войско киевское удалилось. Но вдруг, при наступлении темного вечера, пламя объяло все дома их... Хитрая Ольга велела привязать зажженный трут с серою ко взятым ею птицам и пустить их на волю: они возвратились с огнем в гнезда свои и произвели общий пожар в городе. Устрашенные жители хотели спастись бегством и попались в руки Ольгиным воинам. Великая Княгиня, осудив некоторых старейшин на смерть, других на рабство, обложила прочих тяжкою данью».

Возможно, часть из этих сведений преувеличена Нестором-летописцем, но во всяком случае ясно, что юный Святослав был непосредственным участником усмирения мятежа древлян и сумел не только проявить личную храбрость, но и ободрял дружинников своим бесстрашием. Видимо, уже тогда военное дело стало для него всем в жизни, а главным фактором при принятии государственных решений появилось желание не допустить ни при каких обстоятельствах ослабления своего войска.

Чрезвычайно интересен пример с попыткой матери склонить Святослава к принятию христианства (сама княгиня к этому времени приняла крещение в Константинополе). Несмотря на то что княгиня Ольга имела на сына большое влияние – он отказался. Как сказал Святослав: «Могу ли один принять новый Закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мною?» Князь понимал, что дружинники-язычники не воспримут смену веры своим вождем и это серьезно снизит его влияние на воинов и, следовательно, боеспособность войска.

С 964 г., согласно летописным данным, начинаются самостоятельные походы Святослава, которые принесли ему громкую славу и выделили князя среди современных ему русских князей. Как рассказывается в «Повести временных лет»: «Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус (в старославянском языке так называли гепарда. – *Авт.*), и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и за жарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, – такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: «Иду на Вы!»»

Князь Святослав с семьей на фреске XI века Софийского собора в Киеве

Заметим, что византийский хронист X века Лев Диакон написал о внешности Святослава, благодаря чему мы можем представить его суровый облик. В «Истории» Льва Диакона приводится следующее детальное описание: «Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с густыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клочок волос – признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он

хмурым и суровым. В одно ухо у него была вде́та золотая серьга; она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Оде́яние его было белым и отличалось от одежды его приближенных только заметной чистотой».

Первый поход (получивший название Восточного), на Оку и Волгу, Святослав начал в 964 г. и закончил в 969 г. В начале похода князь вступил на земли вятичей, которые находились под контролем Хазарского каганата – тогда одного из наиболее могущественных государств Евразии. Это уже само по себе было серьезной заявкой на объединение славянских племен под своей властью. Но в то время у князя была более значительная цель, чем покорение вятичей, – для него главным было пройти без потерь их земли для нападения на Хазарский каганат. Покорение вятичей было им бескровно завершено спустя два года – они признали власть великого князя Киевского и были обложены данью.

Пересечение геополитических интересов делало неизбежным столкновение между Киевской Русью и Хазарским каганатом, результат которого должен был определить судьбу русских земель. Хотя пик могущества хазар был уже в прошлом, тем не менее, они представляли значительную угрозу для Киевской Руси – без их поражения невозможно было создание мощного централизованного государства, что было главной целью Святослава. Князю необходимо было объединить все славянские племена на восток от тогдашних границ Киевской Руси, чему противодействовал мощный Хазарский каганат.

Пройдя земли вятичей, Святослав направился в Волжскую Булгарию, которая находилась в вассальной зависимости от Хазарского каганата, но обладала собственным сильным военным и экономическим потенциалом. Военные силы Святослава были недостаточны, чтобы направить их одновременно против своего главного противника – Хазарского каганата и его вассала. Обладая развитым стратегическим мышлением, великий князь Киевский сделал единственно правильный в сложившейся ситуации выбор – стремительно разгромить более слабого противника, не дав хазарскому войску времени прийти ему на помощь.

О ходе боевых действий в Волжской Булгарии сведений до нас почти не дошло. Однако то, что Святослав одержал быструю и полную победу, сомнений не вызывает. Арабский путешественник и географ X века Ибн-Хаукаль сообщает о том, что «русы опустошили» город Булгар. Хотя Ибн-Хаукаль относит это событие к 968–969 гг., но, несомненно, он просто ошибся в хронологии, т. к. далее сам пишет о начавшемся после разрушения Булгара походе русских войск против Хазарского каганата, происходившем в 965 г.

Покончив с Волжской Булгарией, Святослав выступил непосредственно против хазар. Последние, видимо, недооценили силу дружины Святослава, и каган, надеясь на легкую победу, вышел ему с войском навстречу.

В состоявшемся сражении (о ходе которого также почти ничего достоверно неизвестно из летописи) Святослав нанес кагану поражение и сразу пошел на стоявшую на левом берегу Дона крепость Саркел. Саркел недаром в переводе с хазарского – «главная крепость», она действительно имела стратегическое значение для контроля над северо-западной частью каганата.

Показательно, что крепость строили отнюдь не отличавшиеся особыми достижениями в фортификации хазары, а искусные инженеры-византийцы, которым было выгодно сохранять хазарскую угрозу над начавшейся усиливаться Киевской Русью. Император Феофил специально с данной целью направил в свое время в Хазарию своих инженеров во главе с Петроной Каматиром. О строительстве этой, одной из наиболее сильных для своего времени крепостей упомянул император Константин VII Багрянородный в трактате «Об управлении империей»: «Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он (руководитель византийских инженеров. – *Авт.*) сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек».

И хотя постоянный гарнизон Саркел был не слишком велик – всего около 300 человек, его осада была сопряжена с серьезными трудностями. Однако Святослав сумел взять крепость без

длительной осады, что свидетельствует о его высоком мастерстве полководца. С этого момента взятая крепость под новым названием Белая Вежа вошла в состав древнерусского государства, став его стратегическим оборонительным анклавом вдали от коренных русских земель.

Великий князь Киевский (и одновременно князь новгородский) мог бы после достигнутой победы прекратить поход, но это бы сохранило для Киевской Руси потенциальную хазарскую угрозу – было не исключено, что Хазарский каганат сможет в короткий срок восстановить силы. Поэтому Святослав сделал все возможное для полного уничтожения Хазарии, что давало возможность Киевской Руси объединить в своем составе все славянские племена, ранее находившиеся под властью каганата.

После взятия Саркела он, в 968-м или в 969 г., взял штурмом прекрасно укрепленную крепость и столицу каганата – Казар (Итиль) в устье Волги. Административную часть города окружала мощная стена, за которой находился гарнизон численностью от 7 до 12 тысяч человек. На острове располагались резиденции кагана и бека (совместно правивших каганатом), и их также охраняли значительное количество воинов. Правда, можно предполагать, что в момент штурма гарнизон был меньшей численности, чем обычно (ранее для битвы со Святославом со всего каганата, видимо, были собраны войска), но и этого было достаточно для длительной обороны такой крепости как Казар. Однако Святослав сумел, как и ранее Саркел, взять ее без длительной осады.

После этого Святослав направился в область Джидан (сейчас это территория прикаспийской части Дагестана), уже не являвшейся собственно территорией каганата, а лишь управлявшейся родственником бека. Сначала он разгромил ранее союзных Хазарии ясов (ираноязычных племен скифосарматского происхождения, предков современных осетин) и касогов (народ черкесско-адыгейского племени, предки современных кабардинцев и черкесов), а потом пошел на крупный город-крепость и торговый центр Семендер (Самандар), имевший чрезвычайно важное значение для экономики каганата. И вновь крепость была взята Святославом без длительной осады.

Показательно, что во всех захваченных крепостях Святослав оставил гарнизоны (находившиеся там до 990-х годов), что свидетельствовало о его желании закрепить за Киевской Русью покоренные земли Хазарии и Джидана.

Хотя две последние крепости были взяты Святославом при помощи союзного войска тюркского племени огузов (предков современных турков, азербайджанцев, туркменов и гагаузов), но его численность была невелика, и, вероятно, Святослав смог бы выполнить поставленную задачу без помощи союзника.

Взятие Казара и Семендера стало концом существования Хазарского каганата, и главное препятствие для объединения в составе Киевской Руси ранее находившихся под его властью славянских земель было устранено.

Следующей целью Святослава стала Тмутаракань, которая после ранее произошедшего разгрома ясов и касогов перешла под власть великого князя Киевского, по-видимому, без сколько-нибудь серьезного сопротивления. Эта очень далекая от Киева и Новгорода причерноморская земля теперь стала русской, что резко усилило позиции Киевской Руси в Черноморско-Каспийском регионе.

После триумфальных побед над Хазарией Святослав направился с походом в Болгарию, что было сделано по просьбе византийского императора. Византия была в то время союзником Киевской Руси – изменив старой политике поддержки хазар, хранила во время войны с каганатом (ставшим соперником Константинополя в регионе Северного Причерноморья) по отношению к Святославу благожелательный нейтралитет. Можно не сомневаться, что потом в Византии сильно сожалели о своей геополитической ошибке в определении наиболее опасного соперника.

Факт этого нейтралитета нельзя недооценивать – после ухода Святослава в продолжавшийся несколько лет Восточный поход Киевская Русь осталась практически беззащитной и Византия вполне могла этим воспользоваться, чтобы нанести удар в спину. Разумеется, Святослав не мог не понимать этого, и то, что он все-таки пошел в длительный поход, свидетельствует о наличии с Византией предварительного соглашения (пусть и неформализованного).

Поэтому понятно, почему император Никифор II Фока послал в 967 г. к Святославу посольство во главе со своим приближенным патриkiem Калокиром и надеялся, что оно добьется успеха. Задачей посольства было добиться от великого князя Киевского начала похода против Болгарского царства, ставшего к этому времени главным противником Византии на Балканах. Византийский хронист XI–XII веков Иоанн Скилица так писал об истории этого посольства: «На четвертом году своего царствования, в месяце июне 10 индикта (Никифор II Фока. – *Авт.*) выступил, чтобы обозреть города, расположенные во Фракии; когда он прибыл к так называемому Большому Рву, он написал правителю Болгарии Петру, чтобы тот воспрепятствовал туркам переправляться через Истр и опустошать ромеев. Но Петр не подчинился и под разными предлогами уклонялся. Тогда Никифор почтил достоинством патрикия Калокира, сына херсонского протевона, и отправил его к правителю России Свендославу (так византийцы называли Святослава. – *Авт.*), чтобы обещаниями даров и немалых почестей склонить его к нападению на болгар».

Калокиру, предусмотрительно снабженному императором значительной суммой в золоте, удалось добиться согласия Святослава начать поход против болгар. Правда, Никифор Фока не мог и предполагать, что одновременно Калокир договорится с великим князем Киевским о поддержке русских войск в попытке сына протевона самому занять византийский престол.

Однако, было бы явной примитивизацией считать, что золото Калокира и его щедрые обещания стали единственной причиной похода русского войска в Болгарию. В геополитических интересах Киевской Руси было укрепление русского влияния в регионе и Святослав лишь использовал удобную возможность для начала продвижения на Балканы.

В августе 968 г. Святослав пришел в Болгарию и одержал ряд значительных побед. Как пишет Иоанн Скилица, русские «напали на Болгарию, разорили многие города и села болгар, захватили обильную добычу и возвратились к себе». Лев Диакон утверждает, что войско Святослава насчитывало 60 тысяч воинов, в то время как древнерусские источники говорят о 10 тысячах (хотя эта информация относится ко времени второго похода на болгар, но вряд ли в первом численность существенно отличалась). Представляется, что последняя цифра соответствует действительности, если она и была несколько выше, то ненамного.

Военные действия развивались следующим образом: когда ладьи Святослава достигли устья Дуная, то были встречены болгарским войском, численность которого Лев Диакон определяет в 30 тысяч воинов. Болгарам, несмотря на численное преимущество, не удалось помешать организованной высадке княжеского войска. После высадки русские воины сомкнули щиты и с мечами атаковали болгар. Последние не выдержали атаки и панически бежали. Святослав не преследовал вражеское войско (видимо, предполагая у противника наличие больших резервов и боясь идти на риск со своими небольшими силами), и болгары сумели укрыться в крепости Доростол. Однако удержаться там они не смогли и Доростол была захвачен Святославом, а остатки болгарского войска уничтожены.

Очень быстро Святослав захватил всю придунайскую Болгарию, овладел многими городами и своей резиденцией сделал Переяславец на Дунае (сейчас это территория Румынии). Князь явно хотел сделать этот город второй (а возможно, и единственной) столицей Киевской Руси, а захваченные болгарские земли включить в состав своего государства. Это, в том числе, означало, что Святослав решил далее не соблюдать соглашения с Византией, союзником которой он изначально выступал, а действовать полностью самостоятельно.

В Константинополе поняли, что теперь русская опасность значительно больше болгарской и начали готовиться к скорому неминуемому столкновению. Среди предпринятых византийцами мер было заграждение входа в Босфор специальной цепью и снаряжение тяжелой вооруженной конницы, а также срочное сооружение новых метательных орудий. Можно предположить, что и начавшаяся одновременно осада печенегами Киева началась в результате их подкупа византийцами.

Именно из-за осады столицы Киевской Руси сильным печенежским войском в этом же году победитель болгар был вынужден немедленно возвратиться. Причем печенежская осада была настолько плотной, что, по словам летописца, «нельзя было коня напоить на Лыбеди». Срочно вернувшийся Святослав отогнал печенегов от Киева далеко в степь, для этого ему не понадобилось вступать с ними в серьезное сражение. Кочевники, сильно напуганные появлением прославленного полководца, быстро отступили от Киева – так что речь могла идти лишь о нескольких небольших стычках.

Устранив печенежскую опасность, Святослав вновь направился в 969 г. в Болгарию, куда он уже открыто хотел перенести столицу. Как рассказывается в «Повести временных лет», Святослав сказал княгине Ольге следующее: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы».

Но когда великий князь Киевский пришел в Болгарию, ему пришлось вновь восстанавливать утраченные позиции. Разгромленные в первом походе болгары за время отсутствия Святослава сумели собрать новое большое войско и оказали ему сильное сопротивление. Их войско было собрано в крепости Преслав южнее Переяславца (хотя Нестор пишет о Переяславце, но, скорее всего, он просто спутал похожие названия), откуда болгары совершили вылазку против Святослава. Вначале болгары начали одолевать, но Святослав сумел переломить ситуацию. По утверждению Нестора, во время сражения Святослав сказал своей дружине: «Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья и дружина!» Будучи разбиты, болгары вновь отступили за крепостные стены, но великий князь Киевский взял Преслав штурмом.

Преследование отступающего русского войска византийцами. Миниатюра из «Истории византийских императоров в Константинополе с 811 по 1057 год, написанная куропалатом Иоанном Скилицей». XII век

Повторно разгромив болгар, Святослав открыто сообщил новому византийскому императору Иоанну I Цимисхию (его предшественник был убит в результате заговора), что собирается захватить Константинополь: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город».

В ответ император через своих послов предложил великому князю Киевскому выплатить крупную дань, а потом, видя, что это слишком мало для Святослава, начал угрожать силой своего войска.

В ответ на угрозы Святослав сказал послам передать их императору следующее: «Не вижу никакой необходимости, побуждающей римского государя к нам идти; посему да не трудится путешествовать в нашу землю; мы скоро сами поставим шатры свои перед византийскими воротами, обнесем город крепким валом и, если он решится выступить на подвиг, мы храбро его встретим, покажем ему на самом деле, что мы не бедные ремесленники, живущие одними трудами, но храбрые воины, побеждающие врагов оружием».

После этого Святослав, усиленный наемными венграми и печенегами, преодолел Балканы, взял Филиппополь и направился к Адрианополю. Конечной целью великого князя Киевского было взятие Константинополя, что Иоанн Цимисхий ясно понимал и готовился к решительному сражению, результат которого должен был решить судьбу империи. Среди принятых им мер были формирование ударного полка личной гвардии с усиленным вооружением («полка бессмертных»), стягивание войск с территории всей империи и усиление сил флота.

На границу императором был послан во главе войска талантливый полководец Варда Склир, с которым у Адрианополя (Аркадиополя) в 970 г. произошло сражение, о чем сообщает Нестор: «И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их – сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвым не ведом позор. Если же победим – позор нам будет. Так не победим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и донныне пусты».

Однако если Нестор пишет о победе Святослава, то Иоанн Скилица считает результат битвы диаметрально противоположным: «И на шестом году его царствования они опять напали на Болгарию, совершив то же, что и в первый раз, и даже еще худшее.

А народ росов, который вышеописанным образом покорил Болгарию и взял в плен Бориса и Романа, двух сыновей Петра (имеется в виду царь Болгарии Петр I. – *Авт.*), не помышлял более о возвращении домой. Пораженные прекрасным расположением местности, [росы] разорвали договор, заключенный с императором Никифором, и сочли за благо остаться в стране и владеть ею. Особенно побуждал их к этому Калокир, который говорил, что если он будет провозглашен ими императором ромеев, то отдаст им Болгарию, заключит с ними вечный союз, увеличит обещанные им по договору дары и сделает их на всю жизнь своими союзниками и друзьями. Гордясь этими словами, росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу и дали послам [императора], который обещал заплатить все, обещанное им Никифором, ответ, преисполненный варварской хвастливостью; ввиду этого стало необходимо решить дело войной. Итак, император тотчас посылает приказание переправить восточные войска на запад; военачальником над ними он поставил магистра Варду Склира, дав ему титул стратилата, – на сестре [Варды Склира] Марии он женился, еще будучи частным лицом, – и решил с наступлением весны сам выступить в поход. Росы и их архиг Свендослав, услышав о походе ромейского войска, стали действовать совместно с поработченными уже болгарями и присоединили в качестве союзников пачинаков (так византийцы называли печенегов. – *Авт.*) и турок, проживающих на западе, в Паннонии. Собрав триста восемь тысяч боеспособных воинов и перейдя Гем, они стали опустошать огнем и грабежами всю Фракию; разбив свой стан недалеко от стен Аркадиополя, они ожидали там начала борьбы. Когда магистр Варда Склир узнал, что неприятель значительно превосходит его численностью войска – ведь у него было всего двенадцать

тысяч воинов, – он решил победить бесчисленное множество врагов военными хитростями и искусством и превзойти их механическими приспособлениями; так это и случилось. Замкнувшись со своим войском внутри стен, как бы испугавшись, он оставался там, и хотя враги не раз хотели выманить его на решающее сражение, он не поддавался, наблюдая, как неприятель грабит и уносит все что ни попадя. Такое решение вызвало у варваров великое презрение: они полагали, что и в самом деле Склир заперся среди стен и удерживает там ромейские фаланги, боясь вступить в бой. Без страха разбрелись они кто куда, стали разбивать лагерь как попало и, проводя ночи в возлияниях и пьянстве, в игре на флейтах и кимвалах, в варварских плясках, перестали выставлять надлежащую стражу и не заботились ни о чем необходимом. И вот Варда дождался подходящего момента и, присмотревшись хорошенько, как ему напасть на неприятелей, назначил день и час, поставил в ночное время засадные отряды в удобнейших местах, отправил с небольшими силами патрикия Иоанна Алакаса и приказал ему выйти вперед, вести наблюдение за врагами и постоянно сообщать ему, где они находятся. Разузнав это, [Иоанн Алакас] должен был сблизиться с варварами, напасть на них и, сражаясь, обратиться в притворное бегство, но не бежать во весь опор, отпустив поводья и сломя голову, а отступить в строю, медленно и где только возможно поворачиваться к противнику, биться с ним и поступать так до тех пор, пока он не будет завлечен к скрытым в засадах отрядам, а тогда расстроить ряды и бежать без всякого порядка. Варвары разделились на три части – в первой были болгары и росы, турки же и пацинаки выступали отдельно. Иоанн двинулся и случайно натолкнулся на пацинаков; выполняя полученный приказ, он изобразил медленное отступление, пацинаки же нападали, расстроив ряды; им хотелось поскорее уничтожить всех бегущих, но те то отступали строем, то поворачивались и сражались; путь их направлялся к стоявшему в засаде отряду. Очутившись среди своих, [воины Иоанна Алакаса] бросили поводья и устремились в непритворное бегство. Пацинаки рассыпались без всякого порядка и бросились в погоню. Но вот появился неожиданно сам магистр со всем войском. Пораженные внезапностью, [пацинаки] прекратили преследование, но не бросились бежать, а остановились, ожидая нападения. Когда на них с огромным напором обрушился отряд магистра, а сзади приближалась идущая в полном порядке остальная фаланга, немедленно погибли храбрейшие из скифов: поскольку фаланга расступилась на большую глубину, пацинаки окончательно оказались в засаде, а когда фаланги соединились, то окружение стало полным; [росы] недолго сопротивлялись и, обращенные в бегство, почти все были истреблены.

Принудив их таким образом к бегству, Варда дознался от пленных, что остальные, еще не утомленные битвой, выстроились и ожидают сражения. Он устремился против них без промедления. Они же, узнав о неудаче пацинаков, предались горести из-за внезапности бедствия, но затем собрались с силами и, созвав беглецов, напали на ромеев, имея впереди всадников, а позади пеших воинов. Но когда ромеи выказали себя непобедимыми и отразили натиск первого нападения конных врагов, те отступили, укрылись среди своей пехоты, укрепились там духом и стали ожидать приближения ромеев. И сражение стало как бы нерешительным, пока некий скиф, гордившийся размерами тела и неустрашимостью души, оторвавшись от остальных, не бросился на самого магистра, который объезжал и воодушевлял строй воинов, и не ударил его мечом по шлему. Но меч соскользнул, удар оказался безуспешным, а магистр также ударил врага по шлему. Тяжесть руки и закалка железа придали его удару такую силу, что скиф целиком был разрублен на две части. Патрикий Константин, брат магистра, спеша к нему на выручку, пытался нанести удар по голове другого скифа, который [хотел] прийти на помощь первому и дерзко устремился [на Варду]; скиф, однако, уклонился в сторону, и Константин, промахнувшись, обрушил меч на шею коня и отделил голову его от туловища; скиф упал, а [Константин] соскочил с коня и, ухватив рукой бороду врага, заколол его. Этот подвиг возбудил отвагу ромеев и увеличил их храбрость, скифы же были охвачены страхом и ужасом. Вскоре силы оставили их, и они показали спины, обратившись в позорное и беспорядочное бегство.

Ромеи устремились за ними и наполнили равнину мертвыми телами; число пленных превысило количество убитых, и все захваченные за немногими исключениями были изранены. Никто из уцелевших не избежал бы гибели, если бы наступление ночи не остановило погоню ромеев. Из такого великого множества варваров только совсем немногие спаслись, ромеи же потеряли в сражении 25 человек убитыми, но ранены были почти все».

Описания как Нестора, так и Иоанна Скилицы нельзя считать полностью объективными и поэтому необходимо проанализировать ход битвы с использованием всех дошедших до нас источников, что даст возможность судить о ее результате.

Сначала скажем несколько слов о численности противостоящих войск. Лев Диакон пишет о трехкратном численном превосходстве Святослава, а войско Варды Склира определяет в 10 тысяч воинов. Вероятно, подобный порядок цифр и их соотношение несколько ближе к истине, чем русские данные о 100-тысячном византийском войске. Об этом свидетельствует поведение византийцев, которые при появлении русского войска спрятались за крепостными стенами, что явно не могло произойти при условии их значительного численного превосходства.

Выйти из крепости и дать бой византийский военачальник решил после того, как получил от своих лазутчиков сведения о неустойчивости венгерских и печенежских наемников (что соответствовало действительности). Византийское войско было разделено на три части – конница должна была действовать на открытой местности и притворным отступлением заманить войско Святослава, а на флангах в лесу Варда Склир сумел незаметно спрятать подразделения пеших воинов, которые и должны были нанести неожиданный удар.

В свою очередь, войско Святослава также было разделено на три части – русско-болгарская дружина (наиболее боеспособная его часть), а также отряды венгров и печенегов.

Начало сражения полностью подтвердило правильность диспозиции византийцев, план которых Святослав (не знавший о фланговых засадах) не смог вовремя разгадать. Атаковавшие византийскую конницу печенеги были, в свою очередь, внезапно атакованы пехотой с одного из флангов (неизвестно правого или левого), разбиты и в панике беспорядочно бежали.

После разгрома печенегов по византийцам в ответ ударила сначала венгерская конница, а потом конница и пешие дружинники Святослава, и завязался ожесточенный бой. При этом заметим, что Варда Склир удержался от соблазна ввести в бой второй засадный отряд и придерживал его для нанесения решающего флангового удара.

Однако византийцы так и не смогли нанести этот удар, на который они возлагали основную надежду. Боясь быть опрокинутым воинами Святослава, Варда Склир был вынужден ввести второй засадный отряд линейно на заключительном этапе боя (и у нас нет данных, чтобы оценить, как это сказалось на итоге боя). Наиболее вероятно, что четко выраженного победителя в битве под Адрианополем вообще не было – противостоящие стороны понесли большие потери, но явного преимущества ни одна из них не получила. Но о том, что Святослав не потерпел сокрушительного поражения, как это утверждал Иоанн Скилица, свидетельствует следующий факт: после битвы при Адрианополе Иоанн Цимисхий не только предложил ему заключение мирного соглашения, но и уплату дани.

Кроме того, соотношение потерь, приводимое византийскими авторами, совершенно фантастично, даже если принять их описание сражения.

О произошедших после битвы под Адрианополем переговорах между Святославом и византийцами исчерпывающе рассказывает Нестор, и нет оснований подвергать приводимую им информацию сомнению: «И созвал царь (имеется в виду византийский император. – *Авт.*) бояр своих в палату, и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?». И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказав ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки

с поклоном, И сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них – приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражая ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Соглашайся на дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь», ибо немного не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою, и меня», так как многие погибли в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к царю в Доростол (также Диросторум и Дристр – город-крепость на Дунае, построенная римлянами в I в. н. э., современная Силистра в Болгарии. – *Авт.*), ибо там находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги нам враждебны, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, – того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: “Хочу иметь истинную любовь с греческим царем на все будущие времена”».

Далее «Повесть временных лет» дает текст соглашения, продиктованного послом Святослава и принятого греками: «Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и истинную любовь со всеми великими царями греческими, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы неизменным договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, – в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и своим оружием посечены будем».

Стратегической ошибкой Святослава, которая в конечном счете и определила его поражение в войне, было то, что он недооценил силы Византии и, соответственно, из-за этого неправильно расценил намерения Иоанна Цимисхия. Великий князь Киевский посчитал, что у византийцев недостаточно сил для нового массированного наступления. Из-за этого он не занял горные проходы через Балканы и устье Дуная, что дало возможность противнику беспрепятственно совершать необходимые маневры и сосредоточение войск. Не менее тяжелые последствия для него повлекло и рассредоточение своих войск, часть из которых находилась в Преславе, а часть в Доростоле.

Между тем византийский император использовал мирный договор для накопления сил и в апреле 971 г. направил в устье Дуная флот в 300 судов, а сухопутные силы – к Адрианополю. Сам же Иоанн Цимисхий с отрядом из 13 тысяч конницы, 2 тысяч «бессмертных» и 15 тысяч пеших воинов перешел через Балканы.

Все силы византийцев подошли к Преславу, который защищал отряд воеводы Святослава Сфенкеля, не имевший достаточно сил для эффективной обороны. После сражения под городом, в котором византийцы одержали полную победу, несмотря на ожесточенное сопротивление Сфенкеля, город был взят за два дня. О том, как была захвачена Преслава, достаточно точно и подробно рассказывает Иоанн Скилица: «На втором году своего царствования [император] вознамерился предпринять поход против росов. Щедрость [помогла ему] набрать воинов; военачальниками были назначены мужи, прославленные рассудительностью и военной опытностью. Император позаботился и о всем необходимом, чтобы войско не терпело ни в чем недостатка; снарядить поход было поручено Льву, который был в то время друнгарием флота, а после этого протовестиарием. Лев привел в порядок старые корабли, снарядил новые и приготовил внушительный флот. Наступила весна; все обстояло прекрасно, и [император], вознеся молитвы к богу, оставил гражданам предписания и покинул столицу. Когда он прибыл к Редесту, ему повстречались два посланца скифов, которые под видом посольства прибыли для того, чтобы разведать силы ромеев. Когда они стали упрекать ромеев, утверждая, что терпят несправедливость, император повелел, отлично понимая причину их прибытия, чтобы они обошли весь лагерь, осмотрели ряды воинов, а после обхода и осмотра отправились назад и рассказали своему вождю, в каком прекрасном порядке и с каким послушным войском идет против них войною император ромеев. Отпустив таким образом послов, сам он выступил вслед за ними, имея около пяти тысяч пехотинцев облегченного вооружения и четыре тысячи всадников. Всему остальному множеству воинов было приказано медленно следовать за ним во главе с паракимоменом Василием. Перейдя через Гем, император внезапно вступил во враждебную страну и разбил лагерь поблизости от города Великой Преславы, где находился дворец болгарских царей. Эта неожиданность изумила скифов и повергла их в отчаяние. Калокир, зачинщик и виновник всех происшедших бедствий, который случайно здесь находился, услышав звук трубы, понял, что сам император прибыл и будет лично руководить войной. Втайне покинул он город и ускользнул в лагерь росов. Увидев его и узнав о прибытии императора, росы пришли в немалое замешательство. Но Свендослав приободрил их подходящими к таким обстоятельствам словами, и они, укрепившись духом, приблизились к ромеям и разбили лагерь. Императорское войско сосредоточилось между тем на равнине перед городом и неожиданно напало на врага, не ожидавшего ничего подобного: вне городских стен было застигнуто около восьми с половиной тысяч мужей, которые производили военные упражнения. Некоторое время они сопротивлялись, но затем утомились и бежали; и одни из них бесславно погибли, а другие укрылись в городе. Пока все это происходило, пребывавшие внутри города скифы узнали о непредвиденном появлении ромеев и об их столкновении со своими соратниками. Хватая оружие, какое кому случайно подвернулось под руку, они устремились на выручку своим. Ромеи встречали их беспорядочно движущуюся толпу и многих убивали. В силу этого варвары уже скоро не смогли устоять и обратились в бегство. Всадники же ромейской фаланги выдвинулись вперед и отрезали им дорогу в город, перехватывая и убивая беспорядочно бегущих по ровному полю варваров, так что вся равнина наполнилась мертвыми телами и было захвачено бесчисленное множество пленных. Сфангел, который и возглавлял все войско, находившееся в Преславе (он считался среди скифов вторым после Свендослава), опасаясь, видимо, уже за судьбу города, запер ворота, обезопасив их засовами, взошел на стену и поражал нападающих ромеев различными стрелами и камнями. Только наступление ночи прекратило осаду города. На рассвете прибыл проедр Василий с множеством войска, двигавшегося позади. Прибытие его явилось большой радостью для императора, который поднялся на какой-то холм, чтобы

скифы его видели, и соединившиеся войска стали окружать город. Император обратился, уговаривая их отказаться от противодействия и спастись от совершенного истребления; они не соглашались сойти со стены. Справедливый гнев наполнил ромеев, и они приступили к осаде, отгоняя находящихся наверху стрелами и приставляя к стенам лестницы. И некий благородный воин, крепко держа в правой руке меч, а левой приподнимая над головой щит, первым устремился по одной из лестниц. Отражая удары щитом и защищая себя мечом от нападавших и от тех, кто старался ему воспрепятствовать, он поднялся на гребень стены, рассеял всех, кто там находился, и дал следовавшим за ним возможность безопасно подняться. Подражая ему, сначала некоторые, а потом многие [поступили таким же образом], а скифы, одолеваемые их сомкнутым строем, стали прыгать со стены. Соревнуясь с первыми, и многие другие ромеи в различных местах взобрались по лестницам на стену. Приведенные в замешательство, скифы не заметили, как некоторые из ромеев, беспрепятственно достигнув ворот, открыли их и впустили свое войско. Когда город был таким образом взят, скифов, вынужденных отступить по узким проходам, стали настигать и убивать, а женщин и детей захватывали в плен. И Борис, царь болгар, был схвачен вместе с супругой и детьми; украшенного знаками царской власти, его привели к императору. Император человеколюбиво повелел, называя его царем болгар, отпустить всех пленных болгар, предоставив им свободно идти, куда кто захочет; он говорил, что прибыл не для того, чтобы повергнуть болгар в рабство, но чтобы их освободить, и утверждал, что одних только росов он считает врагами и относится к ним по-вражески.

Князь Святослав Храбрый. Памятник Тысячелетию Государства Российского в Новгороде. 1862 г.

Между тем восемь тысяч храбрейших скифов заняли хорошо укрепленную часть царского дворца, который находился посреди города, укрылись там на некоторое время и перебили многих воинов, попавших туда ради любопытства или тайно пробравшихся с целью грабежа. Узнав об этом, император повелел против них послать равносильный отряд, но отправленные действовали вяло и не отважились осадить их – не потому, что они боялись росов, но потому, что укрепление казалось им прочным и непреодолимым. Император легко разрешил затруднение: вооружившись, он сам устремился пешим впереди прочих воинов, которые при виде этого тотчас же схватили оружие и бросились за ним; каждый спешил опередить государя, и с военным кличем и шумом они кинулись на укрепление. Росы с ожесточением выдержали осаду, но [ромей], зажегши во многих местах огонь, таким путем преодолевали сопротивление – не перенеся силы огня и ромейского оружия, [росы] попрыгали [со стен] и побежали; многие из них были уничтожены пламенем, многие брошены с крутизны, а прочих ожидали меч либо плен. Таким образом, весь город не устоял и был взят за два дня».

После взятия Преслава (которое произошло так быстро в том числе благодаря наличию у византийцев большого количества камнеметных машин) византийский император направился к Доростолу, где намеревался разбить главные силы Святослава. По пути он захватывал без сопротивления болгарские города, ранее находившиеся под властью великого князя Киевского.

Иоанн Скилица так написал о положении сторон перед решающей схваткой, подчеркнув при этом стратегически правильное решение византийцев без промедления развивать первоначальный успех: «Когда Свендослав услышал о взятии Преславы, он пришел в замешательство, однако не оставил свои замыслы, а стал ободрять своих, призывая проявить себя свыше обычного доблестными мужами, и распорядился сделать все остальное, что было нужно. Умертвив всех болгар, находившихся в подозрении, числом около трехсот, он выступил против ромеев. Император же, заняв по пути некоторые города, поставил над ними стратигов и продвигался... опустошая многие укрепления и поселения, которые он отдавал на разграбление воинам. Когда разведчики сообщили о приближении каких-то скифов, он отрядил отобранных воинов, поставив над ними Феодора из Мисфии в качестве военачальника, и поручил ему, идя впереди войска, разузнать о числе врагов и дать знать об этом; если же будет возможно, то попытать их силу перестрелкой. Сам же [император] следовал позади, выстроив все войско в боевой порядок. Подойдя к врагам, Феодор и его воины стремительно напали на них. Росы, опасаясь засады, все двигались вперед; многие из них были ранены, некоторые пали, и они стали отступать. Рассеявшись по соседним горам и поросшим лесом лощинам, которые были глубоки и обширны, они по горным тропам добрались до Дристры. Количество их достигало семи тысяч, напавших же на них и обративших их в бегство ромеев было триста. Присоединившись к Свендославу, скифы подняли с места все множество его войска – а насчитывалось их триста тридцать тысяч – и разбили лагерь в двенадцати милях от Доростола, где с ожесточением и мужеством ожидали приближения императора».

23 апреля под Доростолом состоялось первое столкновение передового отряда византийцев с небольшим русским отрядом (в результате которого почти полностью погибли оба отряда), но главная битва была еще впереди.

Святослав в этот же день встретил противника на ближних подступах к Доростолу и выстроил свое войско в сомкнутом боевом строю. Согласно описанию византийцев, сомкнутые щиты и копья образовывали стену, атаковать которую было крайне трудно. В свою очередь, Иоанн Цимисхий выстроил свою армию в две линии: в первой находились тяжеловооружен-

ная кавалерия, а во второй – лучники и пращники, проводившие обстрел русских войск через первую линию.

Византийцы рассчитывали, что русские воины не выдержат атаки конницы и их «стена» будет прорвана, но она оказалась значительно устойчивее, чем они могли предположить. Всего византийцы провели двенадцать атак, но так и не смогли прорвать сомкнутый строй. Единственным результатом этих атак было то, что воины Святослава организованно отступили за стены крепости.

После безрезультатного боя на следующий день Иоанн Цимисхий выстроил под Доростолом укрепленный лагерь с окружающими его глубоким рвом и земляным валом. 25 апреля к Доростолу подошел византийский флот, что означало начало полной блокады крепости. Вечером Святослав вывел из города свою конницу, но византийцы не решились ее атаковать (сам князь тоже не решился перейти в наступление), и бой не состоялся.

На следующий день под стенами крепости произошло новое крупное сражение. На этот раз, как и в первом бою, Святослав вывел тяжеловооруженных пеших воинов, которые были атакованы византийцами. Ожесточенный бой продолжался еще два дня, и в нем погиб Сфенкел. В конечном итоге русское войско было вынуждено отступить после того, как обозначилась реальная угроза захода в его тыл специально посланного императором отряда.

После закончившегося сражения, которое не принесло ему победы, Святослав дал команду выкопать вокруг крепости ров, что не давало возможности византийцам подойти непосредственно под стены и использовать их многочисленные стенобитные и камнеметные машины.

29 апреля Святослав совершенно неожиданно для противника провел вылазку из крепости в направлении Дуная, в ходе которой захватил большое количество продовольствия (что и дало ему возможность выдерживать последующую осаду) и разгромил захваченный врасплох вражеский отряд.

Далее началась длительная осада, и в конце концов византийцы сумели засыпать часть рва вокруг крепости и придвинуть вплотную стенобитные и камнеметные машины, использование которых сделало падение Доростола вопросом ближайшего времени. Это вынудило Святослава 19 июля выйти из крепости, чтобы попытаться уничтожить машины. Время для диверсионной вылазки было выбрано отнюдь не случайно. За время длительной осады русские воины прекрасно изучили распорядок дня противника. Они знали, что в обед византийцы обязательно получают вино и после принятия пищи большинство из них ложатся спать.

Поэтому Святослав напал на византийцев именно после обеда, и расчет его оказался верен. Сонные и отяжеленные принятым вином византийцы растерялись: осадные машины были сожжены, а их командир убит.

Удачная вылазка воодушевила Святослава, и на следующий день он опять вышел с войском из крепости. Византийцы встретили Святослава, выстроившись фалангой, – несмотря на ожесточенные атаки, ее не удалось пробить, и князь был вынужден отступить обратно в Доростол. Отметим, что после отступления византийцы обнаружили среди погибших русских воинов женщин в доспехах, которые сражались наравне с мужчинами.

21 июля Святослав собрал военный совет, на котором обсуждался вопрос о дальнейших действиях. Все присутствующие, кроме великого князя Киевского, были едины во мнении, что дальше удерживать Доростол не удастся, и расходились лишь во мнении, как надо его покинуть. Предлагались варианты от достижения соглашения с византийцами о пропуске русского войска до неожиданной попытки прорыва. Только сам Святослав решил, что Доростол сдавать он не будет. По свидетельству Льва Диакона великий князь Киевский сказал следующие слова: «Погибнет слава, спутница русского оружия, без труда побеждавшего соседних народов и, без пролития крови, покорявшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим римлянам. И так с храбростью предков наших и с тою мыслью, что русская сила была до сего времени непо-

бедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спастись в отечество, но или жить победителями или, совершившим знаменитые подвиги, умереть со славою».

По решению Святослава 22 июля произошло решающее сражение, причем когда утром русское войско было выведено за крепостные стены, князь приказал запереть за ним ворота – чтобы у его воинов не было соблазна отступить и они бы думали только о победе.

Великий князь Киевский первый перешел в атаку, и после его стремительного нападения византийцы дрогнули. Положение спас лично император, который пришел на помощь своей пехоте с отрядом конницы и сумел сдержать наступление русской дружины.

Дальше главной задачей Иоанна Цимисхия стало добиться окружения русских войск, что сделать было крайне непросто – Святослав предусмотрительно далеко не отходил от крепостных стен, и поэтому использовать свое численное превосходство и провести фланговый охват византийцы не могли. Поэтому император разделил войско на два отряда – один (под командованием патрикия Романа и столонича Петра) должен был имитировать отступление и отвести Святослава как можно дальше от крепостных стен, а второй (под командованием Варды Склира) должен был ударить с тыла и отрезать путь отступления.

Однако полностью реализовать этот план не удалось. Святослав действительно, как и предполагали византийцы, увлекся преследованием отступающего противника, и Варду Склиру удалось провести окружение. Особенно ему в этом способствовала неожиданная песчаная буря, которая слепила русское войско. Об этой буре упоминает Иоанн Скилица в своем описании боя: «Говорят, что ромеи получили тогда и божественное вспоможение. Ибо в тылу их поднялась буря и ударила в лицо скифам, не давая им возможности осуществить задуманное для битвы». Но, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, Святослав сумел прорвать кольцо окружения и вернуться в Доростол – и на этот раз сражения закончилось без четко выраженного победителя.

Заметим, что, в предыдущих описаниях в целом достаточно объективный, Иоанн Скилица рассказывает о разных этапах сражения в значительной степени по-иному, умалчивая о многих точно установленных фактах. Однако его описание, тем не менее, представляет немалую ценность как образец официозного взгляда Константинополя на события и высокопрофессиональный пример ранней военной пропаганды (которая активно развивалась в последующие столетия и достигла пика развития в наше время). Прочитав часть его описания событий и убедимся, насколько умело игнорируются одни факты и выпячиваются (или даже просто придумываются) другие: «Ромеи же, гордясь недавними победами, ожидали сражения, которое должно было решить все. Они надеялись, что им будет содействовать Бог, возлюбивший не зачинщиков несправедливости, но постоянно помогающий тем, который терпят обиду. Не только мужественные, но даже робкие и слабодушные, горячо стремясь к предстоящей битве, стали смелыми и отважными. И вот войска сблизилась. И император, и Свендослав стали воодушевлять своих подходящими к случаю словами поощрения, зазвучали трубы, и возбужденные в равной степени войска столкнулись между собой. Натиск ромеев был при первой стычке так силен, что ряды варваров дрогнули, и многие из них пали. Враги, однако, не отступили и не дали ромеям возможности перейти к преследованию – приободрившись, скифы снова кинулись с военным кличем назад на ромеев. В течение некоторого времени борьба была равной, когда же день стал склоняться к вечеру, ромеи, поощряя друг друга и как бы закалившись от взаимных призывов, стали теснить левое крыло скифов и многих опрокинули своим непреодолимым напором. Росы пришли на подмогу пострадавшим, император же отправил на помощь тех, кто находился около него, и сам двинулся за ними с развернутыми императорскими знаменами, потрясая копьём, часто понукая шпорами коня и побуждая воинов боевым кличем. Завязалась жаркая схватка, и не раз менялось течение битвы (говорят, будто двенадцать раз приобретала борьба новый оборот); наконец росы, избегая опасности, рассеялись в беспорядочном бегстве по равнине. Преследуя и настигая бегущих, ромеи их истребляли;

многие были убиты, еще больше было захвачено в плен, те же, которые спаслись от опасности, укрылись в Доростоле.

Вознеся за победу молитвы победоносному мученику Георгию (ибо столкновение с врагами произошло в день, посвященный его памяти), император на другой день сам двинулся к Доростолу и, оказавшись там, стал укреплять лагерь. Однако осаду он не начинал, опасаясь, что росы удалятся на кораблях по реке, никем не охраняемой. Расположившись станом, он ждал прихода ромейского флота. Между тем Свендослав приготавливался выдержать осаду; находившихся у него пленных болгар, числом около двадцати тысяч, он, опасаясь их восстания, приказал заковать в колодки и в цепи. Когда прибыл флот, император приступил к осаде и неоднократно отражал вылазки скифов. В один из дней, когда ромеи рассеялись в вечернее время для принятия пищи, конные и пешие варвары, разделившись на две части, устремились из двух ворот города – из восточных, которые было приказано охранять стратоледарху Петру с фракийским и македонским войском, и из западных, к которым был приставлен сторожить Варда Склир с воинами Востока. Вышли они, выстроившись в боевой порядок, и тогда в первый раз появились верхом на лошадях, в предшествующих же сражениях бились пешими. Ромеи встретили их с ожесточением, и завязался упорный бой. Борьба долго шла с равным успехом, наконец ромеи обратили варваров в бег ст во своей доблестью и, прижав к стене, многих перебили в этой стычке и всего более – всадников. Ни один из ромеев не был ранен, и только три лошади были убиты. Собравшись внутри стен, разбитые варвары провели наступившую ночь без сна и оплакивали павших в сражении дикими и повергающими в ужас воплями, так что слышавшим их казалось, что это звериный рев или вой, но не плач и рыдания людей. Едва наступило утро, все воины, рассеянные по различным укреплениям для их охраны, были созваны в Доростол; они сошлись быстро. Император же двинул все свои силы, вывел их на равнину перед городом и начал вызывать варваров на битву. Но так как они не вышли, он воротился в лагерь на отдых. И прибыли к нему послы из Константин и других крепостей, лежавших по ту сторону Истра; они умоляли простить им все плохое и отдавали себя и свои укрепления в его руки. Благоклонно приняв их, император послал занять крепости, а также отправил войско, необходимое для их охраны. Когда наступил вечер, все ворота города открылись, и росы, будучи в большем, нежели прежде, числе, напали на ромеев, которые не ожидали этого ввиду приближения ночи. И казалось, что вначале они имели перевес, однако немного спустя ромеи взяли верх. Но когда был убит геройски сражавшийся Сфангел, эта потеря связала и ослабила их натиск. Тем не менее, в течение всей ночи и на следующий день до самого полудня они продолжали сильное сопротивление. Когда затем посланные императором силы отрезали варварам дорогу в город, росы, узнав об этом, ударились в бегство. Находя путь к городу перехваченным, они разбежались по равнине, где их настигали и умерщвляли. С наступлением ночи Свендослав окружил стену города глубоким рвом, чтобы нелегко было при наступлении ромеям приблизиться к городской стене. Укрепив таким способом город, он решил смело выдержать осаду. Когда же многие воины стали страдать от ран и надвигался голод, ибо необходимые запасы истощились, а извне ничего нельзя было подвезти из-за ромеев, Свендослав, дождавшись глубокой и безлунной ночи, когда с неба лил сильный дождь и падал страшный град, а молнии и гром повергали всех в ужас, сел с двумя тысячами мужей в челны-однодеревки [и отправился] за продовольствием. Собрав где кто мог зернового хлеба, пшена и прочих жизненных припасов, они двинулись по реке на однодеревках в Доростол. Во время обратного плавания они увидели на берегу реки многих обозных слуг, которые поили и пасли лошадей либо пришли за дровами. Сойдя со своих судов и пройдя бесшумно через лес, [варвары] неожиданно напали на них, многих перебили, а прочих принудили рассеяться по соседним зарослям. Усевшись снова в ладьи, они с попутным ветром понеслись к Доростолу. Великий гнев охватил императора, когда он узнал об этом, и он сурово обвинял начальников флота за то, что они не знали об отплытии варваров из Доростола; он угрожал им даже смертью, если нечто подобное повто-

рится еще раз, и после того оба берега реки тщательно охранялись. Целых шестьдесят пять дней вел император осаду, и так как ежедневно происходившие стычки были бесплодны, он решил попытаться взять город блокадой и голодом. Ввиду этого он велел перекопать рвами все дороги, везде была поставлена стража, и никто не мог в поисках продовольствия выйти из города; [сам же император] стал выжидать. Так обстояло дело с Доростолом...

Древнерусские мечи

Внутри города скифов терзал голод, снаружи они терпели урон от стенобитных орудий, особенно в том месте, где охрану нес магистр Иоанн, сын Романа Куркуаса; находившийся там камнемет причинял им немалый вред. Выделив самых отважных воинов, имевших тяжелое вооружение, и смешав их с легковооруженными, [скифы] посылают их против указанного орудия, чтобы они постарались его уничтожить. Дознавшись об этом, Куркуас во главе сильнейших своих воинов поспешил на защиту [орудий].

Оказавшись посреди скифов, он упал вместе с конем, который был ранен копьём, и погиб, изрубленный на части. Подоспевшие ромеи напали на росов, отстояли орудия в целости и оттеснили скифов в город.

Наступил июль месяц, и в двадцатый его день росы в большом числе вышли из города, напали на ромеев и стали сражаться. Ободрял их и побуждал к битве некий знаменитый среди скифов муж, по имени Икмор, который после гибели Сфангела пользовался у них наивеличайшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения. Видя, как он мужественно сражается, ободряет и воодушевляет других и приводит в замешательство ряды ромеев, Анемас, один из императорских телохранителей, сын царя критян Курупа, не смущаясь ростом этого мужа и не боясь его силы, воспламенил свое сердце яростью, заставил своего коня [несколько раз] прыгнуть в разные стороны, извлек висевший у бедра клинок, бешено устремился на скифа и, ударив его мечом в левое плечо повыше ключицы, перерубил шею, так что отрубленная голова вместе с правой рукой упала на землю. Когда скиф свалился, Анемас невредимым вернулся в свой стан.

Из-за этого подвига поднялся сильный шум, ибо ромеи радостно кричали по случаю победы, скифы же вопили нечто непонятное и утратили свое воодушевление. Ромеи усилили свой натиск, и те, обратившись в бегство, бесславно удалились в город. Немало было в этот день убитых – одни были растоптаны в тесноте, других же, настигая, перекололи ромеи. Если бы не наступление ночи, то и сам Свендослав не избежал бы плена. Спасшись от опасности и находясь за стенами, [скифы] подняли великий плач из-за смерти Икмора. Снимая доспехи с убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев.

Итак, война шла неудачно для варваров, а на помощь им не приходилось надеяться. Одноплеменники были далеко, соседние народы из числа варварских, боясь ромеев, отказывали им в поддержке; у них не хватало продовольствия, а подвезти его было невозможно, поскольку ромейский флот тщательно охранял берега реки. К ромеям же каждый день притекали, как из неисчерпаемого источника, всевозможные блага и постоянно присоединялись конные и пешие силы. Не могли варвары и удалиться, сев в свои челны, ибо выходы, как мы уже сказали, тщательно охранялись. Когда они собрали совещание, то одни советовали тайно удалиться ночью, другие – вернуться домой, попросив у ромеев мира и залогов верности, ибо нет другого пути к возвращению. Некоторые советовали предпринять и другие меры соответственно обстоятельствам, и все сходились на том, что следует окончить войну Свендослав же убедил их решиться на еще одну битву с ромеями и – либо, отлично сражаясь, победить врагов, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни славную и блаженную смерть. Ибо как возможно было бы им существовать, найдя спасение в бегстве, если их легко станут презирать соседние народы, которым они прежде внушали страх? Совет Свендослава пришелся им по нраву, и все согласились встретить общими силами крайнюю опасность для их жизни. На рассвете следующего дня варвары поголовно выступили из города. Чтобы никому не было возможности спастись бегством в город, они заперли за собою ворота и бросились на ромеев. Завязалось ожесточенное сражение. Варвары бились отважно, и ромеи в тяжелых доспехах, изнуряемые жаждой и сожигаемые солнцем (был как раз самый полдень), стали поддаваться [натиску]. Узнав об этом, император прискакал на помощь со своими воинами и принял на себя главный удар, а утомленному солнцем и жаждой воинству приказал доставить мехи,

наполненные вином и водой. Воспользовавшись ими, избавясь от жажды и зноя и собравшись с силами, они стремительно и неистово бросились на скифов; те, однако, достойно их приняли. Пока император не заметил, что место битвы очень тесно, она продолжалась с равным успехом. Но он понял, что по этой причине скифы теснят ромеев и мешают им совершать деяния, достойные их силы, и вот стратигам было приказано отойти назад на равнину, отодвинувшись подальше от города и делая при этом вид, будто они убегают, но на деле не бежать сломя голову, а отходить спокойно и понемногу; когда же преследователи будут отвлечены на большое расстояние от города, [им надлежит], неожиданно натянув поводья, повернуть лошадей и напасть на врага. Приказание было исполнено, и росы, считая отступление ромеев настоящим бегством, с военным кличем устремились за ними, подбадривая друг друга. Но когда ромеи достигли назначенного места, они повернулись и отважно ринулись на врагов. Там завязалась жестокая битва и случилось, что стратиг Феодор из Мисфии, конь которого был сражен пикой, упал на землю. В этом месте закипела упорная схватка, ибо росы порывались его убить, а ромеи старались защитить его. Этот Феодор, свалившись с лошади, схватил какого-то скифа за пояс и, двигая его силой своих рук во все стороны как небольшой легкий щит, прикрывался им от летящих в него копий, а сам, обороняясь таким образом, понемногу отступал, приближаясь к ромеям, которые оттеснили наконец скифов и спасли этого мужа от опасности. И хотя битва не была решена, оба войска закончили борьбу.

Видя, что скифы сражаются с большим жаром, нежели ранее, император был удручен потерей времени и сожалел о ромеях, переносящих страдания мучительной войны; поэтому он задумал решить дело поединком. И вот он отправил к Свендославу посольство, предлагая ему единоборство и говоря, что надлежит решить дело смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов; кто из них победит, тот и будет властелином всего. Но тот не принял вызова и добавил издевательские слова, что он, мол, лучше врага понимает свою пользу, а если император не желает [более жить], то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть он и выберет, какой захочет. Ответив столь надменно, он с усиленным рвением готовился к бою. Отказавшись от вызова на поединок, император старался всеми способами отрезать варварам доступ в город. Он назначил для этого предприятия магистра Варду Склира с теми отрядами, которые тот возглавил, а патрикию Роману, который был сыном государя Константина, являвшегося сыном Романа Старшего, вместе со стратопедархом Петром было приказано с их силами напасть на врагов. И они ринулись на скифов и сражались упорно. Но и те сопротивлялись отчаянно. Долгое время борьба оставалась равной, и много было в сражении перемен и изменений. Но вот Анемас, сын критского эмира, повернул своего коня, сильно ударил его шпорами и с юношеской отвагой помчался на самого Свендослава. Разорвав вражеский строй, он нанес ему удар мечом в середину головы, сбросил с коня, но не убил, так как помешали бывшие на нем доспехи. Сам же [Анемас] был окружен и, подвергаясь со всех сторон нападению многих, погиб, геройски закончив жизнь и возбуждая великое удивление даже среди врагов».

В создавшейся патовой ситуации Святослав решил заключить с византийским императором мирное соглашение, о содержании которого написал Иоанн Скилица: «Свендослав, использовав все средства и во всем потерпев неудачу, не имея уже никакой надежды, склонился к заключению договора. Он отправил к императору послов, прося залогов верности и внесения в число союзников и друзей ромеев, чтобы ему со всеми своими дозволено было удалиться невредимыми домой, а скифам, если пожелают, – безопасно приходить по торговым делам. Император принял послов и согласился на все, о чем они просили, произнес известное изречение, что обыкновение ромеев состоит в том, чтобы побеждать неприятелей более благодеяниями, нежели оружием. После заключения договора Свендослав попросил о беседе с императором; тот согласился, и оба, встретившись и поговорив, о чем им было нужно, [затем] расстались. По просьбе Свендослава император отправил посольство к пацинакам, предлагая им стать его друзьями и союзниками, не переходить через Истр и не опустошать Болгарию,

а также беспрепятственно пропустить росов пройти через их землю и возвратиться домой. Назначен был исполнить это посольство Феофил, архиерей Евхаитский. [Пацинаки] приняли посольство и заключили договор на предложенных условиях, отказавшись только пропустить росов. Когда росы отплыли, император укрепил крепости и города на берегах реки и возвратился в ромейскую державу».

После заключения мира Святослав с оставшейся дружиной дошел до устья Днепра, а потом направился к днепровским порогам. Однако, будучи предупрежден о печенежской засаде, он остался на порогах до весны, когда решил вновь подняться к Киеву. Князь был уверен, что печенеги уже ушли, но они терпеливо ждали его появления несколько месяцев, что, возможно, объясняется их подкупом со стороны Византии. О последующем трагическом финале летописец написал следующее: «Когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него».

Князь Ярослав Владимирович Мудрый

Не вызывает сомнения, что великий князь Киевский Ярослав Владимирович относится к величайшим государственным деятелям не только периода Киевской Руси, но и всей отечественной истории. Именно благодаря государственной деятельности Ярослава Мудрого древнерусское государство значительно расширило свои границы и сделало их безопасными, достигло единства и неразрывно связанного с ним пика своего могущества, став одним из наиболее влиятельных европейских держав периода раннего феодализма. Без преувеличения, можно констатировать, что благодаря ему была создана древнерусская раннефеодальная империя (протоимперия). Последняя имела в самой близкой перспективе реальную возможность стать правопреемником (как в геополитическом плане, так и в плане главной твердыни восточного христианства) начавшейся клониться к закату Византийской империи, оказавшейся не в состоянии выдерживать натиск как с Запада, так и с Востока в условиях обострившихся внутренних противоречий. Нельзя не согласиться с оценкой Николая Карамзина, подчеркнувшего в «Истории государства Российского», что «Ярослав сделался Монархом всей России и начал властвовать от берегов моря Балтийского до Азии, Венгрии и Дакии». Целесообразно также привести и характеристику Сергея Соловьева, данную им в «Истории России с древнейших времен», особенно интересную тем, что она показывает принципиальное отличие государственной деятельности Ярослава от действий всех предыдущих русских князей (за исключением только своего отца, который стоял у истоков процесса объединения древнерусской державы): «Ярослав не был князем только в значении вождя дружины, который стремится в дальние стороны за завоеваниями, славою и добычей; Ярослав, как видно, был более князем-нарядником страны».

Правда, нельзя замалчивать и то, что благодаря непоследовательной политике Ярослава Мудрого (по нашему мнению, вполне обоснованно называемого в ряде источников, подобно императору, Ярославом I) единое древнерусское государство за достаточно короткий период после его смерти вновь оказалось в состоянии жесткого противоборства удельных князей и, вследствие этого, не сумело закрепить достигнутых геополитического могущества и внутренней стабильности.

В историографии очень слабо отражена деятельность Ярослава Мудрого как полководца. Это тем более досадный пробел, учитывая, что именно полководческие достижения дали ему возможность не только создать древнерусскую империю, но превратить ее в один из основных факторов геополитического влияния в Европе. В основном благодаря несомненному полководческому таланту Ярослав Мудрый сумел, преодолев сопротивление сильнейших соперников, объединить древнерусские земли под своей властью, что только и сделало возможным стратегические успехи его политики в других сферах. Более того, изучение полководческой деятельности Ярослава Мудрого представляет особый интерес для понимания военного искусства всей Киевской Руси, о чем еще в начале XX века писал видный военный теоретик профессор Императорской Николаевской Военной Академии генерал-майор Андрей Ельчанинов в своем «Очерке истории военного искусства до Петра Великого».

Неправильно было бы считать, что будущий властитель объединенной Киевской Руси имел с самого начала выработанный план создания централизованного государства и, тем более, что он не допускал в своей полководческой деятельности существенных ошибок (некоторые из которых могли стоить ему не только утраты власти, но и жизни). О ряде подобных просчетов будущего главы древнерусской империи следует упомянуть хотя бы по той причине, что они наглядно показывают пройденный Ярославом нелегкий и, зачастую, противоречивый путь роста государственного деятеля и полководца. Так, необходимы для понимания эволюции Ярослава как полководца его действия во время княжения в Новгороде в период жесто-

чайшего противоборства с великим князем Киевским Святополком (полностью заслужившим свое прозвище Окаянный).

Сама по себе взаимно беспощадная борьба Ярослава со Святополком была явлением несравненно большим, чем обычная княжеская междоусобица, практически всегда имевшая в основе только личное соперничество за власть. Победа Святополка означала бы утрату Киевской Русью государственной самостоятельности и отказ от цивилизационно-вероисповедного выбора, что уже начал реализовывать противник Ярослава. Убийца впоследствии канонизированных Русской православной церковью князей-мучеников Бориса и Глеба был женат на дочери польского князя (с 1025 г. короля) Болеслава I Храброго и в борьбе за власть сделал ставку на полномасштабное польское военное и политическое вмешательство во внутрирусские дела.

То, что это движение было изначально продуманной политикой Святополка, свидетельствует его попытка отложения от Киева в бытность князем Туровским, что было жестко пресечено отцом. В попытке сепаратистского мятежа Святополку уже тогда активную помощь оказал Болеслав Храбрый, прекрасно понявший открывающиеся перед ним перспективы захвата русских земель. Также похоже, что Святополк и его тесть готовили планы вывода русской церкви из-под влияния Константинополя в прямое подчинение Рима. Убедительным подтверждением этому является то, что в попытке отделения Туровского княжества Святополку активно помогал духовник его жены – епископ из польского города Колобжег Рейнберн, игравший при русском князе роль доверенного советника. При этом важно отметить, что задействование поляков принципиально отличалось от использования Ярославом в борьбе со Святополком варяжской дружины. Варяги справедливо считались в Киевской Руси не более чем наемниками, используемыми исключительно в военных целях. Пусть подчас варяжские дружины и выходили из повиновения призвавших их хозяев, но, во всяком случае, речь не шла о захвате ими русских земель и смене цивилизационно-вероисповедной идентичности Киевской Руси (хотя бы уже по той причине, что культура варягов была несравнимо ниже древнерусской, а вопросы религии их вообще мало интересовали). А опасность польской экспансии для существования древнерусского государства в целом Ярослав не мог не понять из искусно (уделявший большое внимание событиям в славянских странах германский хронист, епископ Титмар Мерзебургский с полным основанием писал о «лисьей изворотливости» будущего польского короля) проводимых действий Болеслава Храброго. Характерны его действия в отношении сестры Ярослава Предславы, которую Болеслав Храбрый, убегая из Киева в 1018 г., насильно увез под видом законной жены. Наверняка тогда не одному Титмару Мерзебургскому пришла в голову мысль, что таким образом польский князь готовит династически-правовое обоснование для захвата всех земель Киевской Руси и провозглашения себя ее единовластным правителем.

Польская элита, в отличие от варягов, при решении оказать военную помощь Святополку (только благодаря которой он сумел одержать победу над Ярославом на реке Буг в 1018 г. и повторно занять Киев после своего поражения в 1016 г. у Любеча) изначально ориентировалась на значительные территориальные захваты исконно русских земель, а в дальнейшем и сведению Киевской Руси к роли вассального или полувассального государства. Благодаря коллаборационизму (этот термин XX века наиболее адекватно характеризует политику великого князя Киевского) Святополка Болеслав Храбрый уже стал фактически хозяином Южной Руси – польские войска заняли большинство ее городов. Даже после отступления он сумел удержать Червенские города на Волыни, а награбленных на Руси богатств князю хватило для значительного усиления своего влияния в Польше и получения в скором времени королевской короны.

Кстати, следует подвергнуть сомнению легенду (берущую свое начало в «Повести временных лет») о выступлении Святополка против своего тестя после занятия Киева в 1018 г., когда, якобы по княжескому приказу, началось уничтожение не ожидавших нападения от союзника поляков. Данная легенда была некритично воспринята рядом исследователей, хотя ника-

ких документальных подтверждений (включая и польские источники) о выступлении Святополка против поляков нет. Напротив, тогда великому князю Киевскому крайне невыгодно было бы лишиться своей наиболее серьезной военной поддержки – скорее всего, это было стихийное выступление русского населения против польской оккупации или же подготовленное сторонниками Ярослава восстание против поляков. Последнее вполне вероятно, учитывая, что, насколько можно судить, антипольские выступления прошли в Киеве и по разным городам Южной Руси синхронно или почти синхронно (что наводит на мысль о наличии единого координирующего центра). Тем более, якобы инициированные Святополком выступления против Болеслава Храброго в результате значительно усилили позицию Ярослава как государственного деятеля, последовательно борющегося против иностранной оккупации русской земли и ее объединение. Это, конечно, не означает, что Святополк не думал о том, чтобы самому покорить все русские земли и объединить их под своей властью. Показательна его приводимая Нестором фраза, сказанная после убийства древлянского князя Святослава Владимировича: «Перебью всех братьев и стану один владеть Русскою землею». Но только реализовать свои «объединительные» планы иначе, чем при помощи иностранных оккупантов, он был не в состоянии.

Тем более, после ухода Болеслава Храброго с большей части русских земель началась борьба Ярослава с также призванными Святополком печенегами, опасность которых для безопасности Киевской Руси была не многим меньшей, чем польская. Когда Святополк увидел, что у него без поляков нет достаточно сил, чтобы отстоять Киев от подхлотившей новгородской дружины Ярослава, и бежал в 1018 г. из столицы, то призвал на помощь печенегов, которые должны были заменить польские войска. И ему едва не удалось в следующем году переломить ситуацию в битве на реке Альте, когда печенеги и дружина Святополка сошлись с войском Ярослава. О невиданной ранее жесточенности этого сражения ярко свидетельствует «Повесть временных лет». Приведем красочное описание этого сражения Нестором: «...двинулись противники друг на друга, и покрыло поле Альтинское множество воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал».

К сожалению, более подробных описаний этого сражения не существует. Но не вызывает сомнения, что выиграно оно было Ярославом за счет проявленного полководческого искусства, учитывая, что, насколько можно судить, силы противостоящих сторон были примерно одинаковы.

Отметим, что в борьбе за государственное единство Киевской Руси Ярослав неизменно проявлял предельную жестокость по отношению к противникам, что в то время, лишенное малейших сантиментов, было необходимым условием для достижения победы. Показательным в этом плане является судьба Святополка Окаянного, ставшего навсегда в народном предании одним из главных олицетворений предательства родной земли. Существуют две летописные версии его дальнейшей судьбы. Как пишет Нестор, Святополк, парализованный и безумный, умер «между ляхы и чахы (чехами. – *Авт.*)». Новгородская первая летопись старшего извода просто указывает, что князь-изменник бежал к печенегам (где, вероятно, и безвестно сгинул). Заметим – обе летописные версии объединяет одно – констатация позорного конца бывшего великого князя Киевского. Однако для характеристики Ярослава более интересна версия варяжской «Саги об Эймунде» (основывавшаяся на передававшихся поколениями рассказах варягов, которые непосредственно участвовали в противоборстве Ярослава и Святополка). Согласно «Саге об Эймунде», Святополк (в саге – Бурицлав) бежал к печенегам и возвратился оттуда с большим печенежским войском. Служивший Ярославу (в саге – Ярицлейв) варяг Эймунд тогда предложил князю убить Святополка и получил слегка дипломатически замаскированное согласие («Не стану я ни побуждать людей к бою с Бурицлавом конунгом, ни винить, если он будет убит»).

Дальнейшие события сага описывает следующим образом: «Эймунд конунг хорошо заметил вечером, где лежит в шатре конунг, идет он сразу туда и сразу же убивает конунга и многих других. Он взял с собой голову Бурицлава конунга. Бежит он в лес и его мужи, и их не нашли. Стало страшно тем, кто остался из мужей Бурицлава конунга при этом великом событии, а Эймунд конунг и его товарищи уехали, и вернулись они домой рано утром. И идет Эймунд к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурицлава. «Теперь посмотрите на голову, господин, – узнаете ли ее?» Конунг краснеет, увидя голову. Эймунд сказал: «Это мы, норманны, сделали это смелое дело, господин; позаботьтесь теперь о том, чтобы тело вашего брата было хорошо, с почетом, похоронено». Ярицлейв конунг отвечает: «Вы поспешно решили и сделали это дело, близкое нам: вы должны позаботиться о его погребении. А что будут делать те, кто шли с ним?» Эймунд отвечает: «Думаю, что они соберут тинг (скандинавский и древнегерманский аналог древнерусского вече. – *Авт.*) и будут подозревать друг друга в этом деле, потому что они не видели нас, и разойдутся они в несогласии, и ни один не станет верить другому и не пойдет с ним вместе, и думаю я, что не многие из этих людей станут обрывать своего конунга». Выехали норманны из города и ехали тем же путем по лесу, пока не прибыли к стану. И было так, как думал Эймунд конунг, – все войско Бурицлава конунга ушло и разошлось в несогласии. И едет Эймунд конунг на просеку, а там лежало тело конунга, и никого возле него не было. Они обрядили его и приложили голову к телу, и повезли домой. О погребении его знали многие. Весь народ в стране пошел под руку Ярицлейва конунга и поклялся клятвами, и стал он конунгом над тем княжеством, которое они раньше держали вдвоем».

Трудно сказать, понимал ли с самого начала борьбы с великим князем Киевским новгородский князь, что ему выпала историческая миссия объединения русских земель и создания единого централизованного государства. Но он уже явно осознавал свою миссию (и эффективно использовал в борьбе за власть) после окончательной победы над Святополком. Об этом убедительно свидетельствует вся его дальнейшая многогранная государственная деятельность, главной целью которой было как внутреннее устройство Киевской Руси, так и расширение ее пределов. Данному утверждению не противоречит и соглашение со своим младшим братом – тмутараканским князем Мстиславом Удалым в 1026 г., о котором Нестор написал: «И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря: «Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Киеве мужи Ярослава... В год 6534 Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключил мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно и в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране».

**Миниатюра «Битва Ярослава со Святополком» из Радзивилловской летописи.
XV век**

В это время Ярослав не имел достаточно сил, чтобы одержать победу над высокоодаренным полководцем Мстиславом (о чем свидетельствовало сокрушительное поражение великого князя Киевского в 1024 г. в сражении у Листвена, о которой более подробно мы скажем далее в очерке, посвященном военной деятельности тмутараканского князя), который недаром получил прозвище Удалой. В лучшем случае, его ожидала бы дальнейшая затяжная война без малейших гарантий победы, чем, несомненно, воспользовались бы как многочисленные русские князья, недовольные жесткой централизаторской политикой Ярослава, так и внешние силы, не оставившие надежд на захват территорий Киевской Руси. Показательно, что Мстислав Удалой, подобно Святополку Окаянному, в борьбе против Ярослава опирался на серьезную внешнюю поддержку давних неприятелей Киевской Руси – хазар и черкесов (черкасов).

О глубокой продуманности курса великого князя Киевского по объединению русских земель убедительно свидетельствует как история противостояния с Мстиславом Удалым, так и достаточно серьезная борьба Ярослава с другими князьями, не желавшими признавать его главенствующей роли (т. е., таким образом, не дававших создать единое русское государство). В этой борьбе ярко проявились его способности полководца, без которых невозможно было бы достижение поставленной цели.

Наиболее серьезную угрозу для создания древнерусской империи из удельных князей представлял его племянник – князь полоцкий Брячислав Василькович. В 1021 г. он захватил Новгород и подверг его разграблению (это было для Ярослава и открытым личным вызовом), что продемонстрировало силу полоцкого князя как реального соперника великого князя Киевского в борьбе за первенство. В подобной ситуации Ярослав должен был действовать быстро, жестко и решительно, чтобы не дать возможности пойти по стопам Брячислава другим удельным князьям. С большим напряжением сил, но Ярослав добился победы – собрав значительные силы и догнав ушедшего в Полоцк противника на реке Судомери (Судоме), он нанес там Брячиславу сокрушительное поражение. Следует отметить, что Ярослав сумел догнать дружину племянника в крайне короткий срок. Он преодолел около 800 километров всего за семь дней и настиг Брячислава, который, обремененный богатой добычей, двигался значительно медлен-

нее. Не ожидавший нападения князь полоцкий (воины которого к тому же были перенагружены награбленным) не сумел оказать эффективного сопротивления и бежал в Полоцк.

Кроме того, тактическое примирение с Мстиславом Удалым было чрезвычайно эффективно использовано Ярославом для укрепления и расширения создаваемой империи. Тмутараканский князь дал Ярославу недостающую ему воинскую силу, с помощью которой великий князь Киевский успешно решал задачи общегосударственного характера.

В 1030 г. в Польском королевстве, лишенном после смерти Болеслава Храброго сильной власти, произошли массовые волнения (в результате которых было убито множество видных представителей знати и высшего духовенства), что сильно ослабило ее военные возможности. Ярослав понял, что у него появился шанс вернуть ранее оккупированные умершим королем русские земли. Однако только своей дружины для освободительного похода было недостаточно, и Ярослав сумел получить в помощь и сильную дружину Мстислава. Это дало ему возможность в следующем году освободить сначала Бельз в северо-восточной части Галицкой Руси, а после него и все ранее оккупированные поляками Червенские города, что стало важным фактором восстановления территориальной целостности Киевской Руси и дальнейшего укрепления ее геополитической роли в Европе.

Более того, Ярослав вторгся уже на собственно польскую территорию и в результате победного похода вывел с собой множество пленных (впоследствии они были расселены по берегам реки Рось в новозаложенных крепостях, служивших дополнительной защитой от набегов кочевников). При этом Ярослав избегнул соблазна вмешаться во внутripольские дела, хотя у него была возможность поддержать в своих интересах одну из противоборствующих сторон (по примеру того, как недавно это делал Болеслав Храбрый в Киевской Руси). Ярослав осознавал, что у него для подобных действий недостаточно сил и он тогда надолго увязнет в Польше, что не даст возможности действовать на других направлениях. Время показало, что Ярослав принял верное решение – в дальнейшем это позволило ему заключить стратегический союз с польским князем Казимиром I Восстановителем (внуком Болеслава Храброго). Особую прочность союзу с Казимиром придавало то, что великий князь Киевский выдал за польского князя свою сестру Марию Доброгневу. Кроме того, на этот раз, когда ситуация стала принципиально иной, Ярослав помог новому родственнику (немедленно признавшему принадлежность Червенских городов Киевской Руси) в 1047 г. подавить мятеж Моислава, ставившего своей целью провозглашение Мазовии независимым государством. Скорее всего, без помощи дружины Ярослава Казимир не смог бы подавить сепаратистский мятеж или, во всяком случае, борьба с ним затянулась бы на длительный период.

Стоит привести мнение автора «Истории России с древнейших времен» о действиях Ярослава по подавлению сепаратистского мятежа в Польше, в которой дается объективная оценка и в целом политики великого князя Киевского на польском направлении: «Мы не знаем, какими собственными расчетами руководился Ярослав в польских отношениях; но знаем, что он, возвратив свое, принял сторону порядка и христианства, не захотел усиливать варварства и победою над Моиславом мазовецким нанес последнему сильный удар».

Можно констатировать, что результатом походов Ярослава стало не только окончательное закрепление за Киевской Русью Червенских городов, но и превращение Польши из опасного геополитического противника в стратегического союзника (которым она перестала быть только после ослабления государства в результате возобновления княжеских усобиц).

В 1036 г. Мстислав Удалой умирает, и после него у Ярослава уже больше не было реальных соперников, способных оспорить его общерусское лидерство, что еще раз подтвердило правильность ранее проведенного вынужденного маневра великого князя Киевского. Как писал Нестор, великий князь Киевский стал «самовластцем в Русской земле», что абсолютно точно характеризует полноту его власти и ее географические пределы. Однако, чтобы окончательно гарантировать незыблемость своей власти на всей территории Киевской Руси (и нераз-

рывно связанного с этим государственным единства империи), им были предприняты меры против княжившего во Пскове Судислава Владимировича, занимавшего во время противоборства Ярослава с Мстиславом Удалым и Брючиславом Васильковичем весьма неопределенную позицию.

Сразу после смерти полоцкого князя великий князь Киевский лишил свободы Судислава Владимировича (последнему пришлось просидеть в заключении 23 года) и ликвидировал Псковское княжество, что можно считать окончанием начатого Ярославом длительного процесса создания единого древнерусского государства-империи. Ряд исследователей, пытаясь «оправдать» Ярослава, утверждают, что действия великого князя Киевского объяснились тем, что Судислав был перед ним «оклеветан». Думается, что никакой «клеветы» не было. Ярослав в ней просто не нуждался – он действовал, если применить оценку дня сегодняшнего, жестоко и вероломно (хотя для нравов Средневековья это был совершенно обычный, скорее, мягкий поступок, учитывая, что псковский князь не был казнен), но вполне осознанно – руководствуясь мотивами государственной необходимости. Судислав был потенциально опасен для единства империи (как опасно само по себе было и существование на самой границе с Европой независимого Псковского княжества), а его поведение во время недавно закончившейся княжеской распри давало основания для опасений. Видимо, в такой ситуации, более всего опасавшийся возобновления борьбы удельных князей за власть, Ярослав посчитал, что у него нет другого выхода.

Возвращаясь к вопросу о внешних союзниках Киевской Руси, заметим – то, что Ярослав прекрасно осознавал значение наличия военно-политических союзников для обеспечения национальной безопасности, свидетельствовали еще его действия времен борьбы со Святополком. Выше мы уже писали, что бежавший из столицы Святополк попытался взять реванш, заключив соглашение с печенегами. Великий князь Киевский, понимавший необходимость нейтрализации и отвлечения сил поляков от русских земель, в ответ предпринял «зеркальный» ход. Он заключил союз против Болеслава Храброго с императором Священной Римской империи Генрихом II Святым и договорился относительно одновременного начала против Польши военных действий. Хотя тогда военные действия против Болеслава Храброго как русских, так и германских войск окончились безрезультатно (а Генрих II вскоре поменял внешнеполитическую ориентацию на пропольскую), но Ярослав и в дальнейшем продолжал линию поиска союзников на всех внешнеполитических направлениях, что стало одним из главных факторов укрепления позиций Киевской Руси на международной арене.

Конечно, возвращение Червенских городов-крепостей было хотя и стратегически важным (в том числе это обеспечивало безопасность западных кордонов Киевской Руси), но далеко не единственным действием для расширения территории создаваемой Ярославом империи. Великий князь Киевский был вынужден решать вопрос обеспечения безопасности не только границ с Польшей, хотя оттуда долгое время и исходила наиболее реальная угроза.

Крупным военно-политическим успехом Ярослава было закрепление Киевской Руси на севере-западе, ставшее результатом его успешных походов против ятвягов и эстов, а основанный великим князем Киевским (вероятно, в ходе одного похода с покорением Пскова) город-крепость Юрьев стал важным форпостом империи на этом важнейшем направлении.

Отметим, что, как и в случае с Казимиром Восстановителем, и в отношениях с другими влиятельными внешнеполитическими партнерами Ярослав укреплял союзнические отношения путем династических браков – дочь Елизавета была выдана замуж за будущего короля Норвегии Гаральда III Сурового (Грозного), Анна – за короля Франции Генриха I, Анастасия – за короля Венгрии Андраша (Андрея) I Католика. Относительно всех сыновей Ярослава точной информации нет, и разные зарубежные источники того времени дают противоречивую информацию, но можно точно утверждать: Изяслав Ярославич был женат на сестре польского короля Казимира I Гертруде, Святослав Ярославич, вероятно, на внучатой племяннице (дочери

любимой сестры) императора Священной Римской империи Генриха III Оде Штаденской, а Всеволод Ярославич – на дочери (или племяннице – вопрос остается до конца непроясненным) византийского императора Константина IX Мономаха. Остается только добавить, что сам великий князь Киевский вторым браком был женат на дочери короля Швеции Олафа (Улофа) Шетконунга Ингегерде (в крещении Ирина), что еще более укрепило влияние Киевской Руси в Скандинавии.

Анализирую эту «династическую дипломатию» Ярослава, можно сделать обоснованное предположение, что он преследовал цель более значительную, чем только обеспечение безопасности границ Киевской Руси. Когда задача обеспечения безопасности границ империи была в целом решена, Ярослав приступил к следующему этапу – созданию, по позднейшей терминологии, «континентального блока» из нескольких влиятельных государств Европы, с которыми у Киевской Руси были совпадающие геополитические интересы. Великому князю Киевскому было очевидно, что момент активного включения его государства в европейскую политику настал – к этому времени Киевская Русь стала одной из наиболее влиятельных европейских держав (например, далеко превосходившая по своему военному и экономическому значению в Европе Францию). Очевидно, что «несущей осью» подобного континентального блока должны были стать Киевская Русь, Священная Римская империя и Франция, союз которых гарантировал бы безопасность Европы. Не будем бесплодно заниматься альтернативной историей, но все же отметим, что если бы Ярослав успел завершить создание континентального военно-политического блока, то нашествие монголо-татарских орд, скорее всего, было бы отбито объединенными силами европейских государств. Если же не заглядывать так далеко вперед, то активность Ярослава на европейском направлении и его настойчивая политика выстраивания системы союзов объективно были направлены против Византии, которая все более явно становилась основным геополитическим противником древнерусской империи (о чем подробнее ниже).

Если континентальный блок Ярослав так и не успел создать, то цели его политики в отношении кочевников были в основном реализованы. Почти с начала своего правления в Киеве Ярослав решал задачу создания таких границ, которые надежно гарантировали бы безопасность Киевской Руси в окружении хищных степных соседей и нанесение такого удара по кочевникам, после которого они бы уже не смогли устраивать опустошительные набеги на русские земли. И великому князю Киевскому было очевидно, что без нейтрализации кочевников он не сможет эффективно решать другие ключевые проблемы внешней безопасности государства.

Главным достижением в борьбе с кочевниками была историческая победа великого князя Киевского над наиболее опасными из них – печенегами в 1036 г. (о том, какое значение сам Ярослав придавал этой победе, свидетельствует основание главного собора империи – храма Святой Софии Киевской, изначально призванного напомнить величественные храмы Константинополя). Наделенный редким даром давать лаконичные, но чрезвычайно точные характеристики автор «Истории государства Российского» такими словами охарактеризовал победу над печенегами: «Ярослав одержал победу, самую счастливейшую для отечества, сокрушив одним ударом силу лютейшего из врагов его. Большая часть Печенегов легла на месте; другие, гонимые раздраженным победителем, утонули в реках; немногие спаслись бегством, и Россия навсегда освободилась от их жестоких нападений».

Отметим, что поражение печенегов явилось своеобразной демонстрацией достигнутого Великим князем Киевским реального единства русской империи. С печенегами плечом к плечу сражалась как киевская, так и новгородская дружины, что и дало возможность Ярославу одержать победу, навсегда положившую конец печенежской угрозе.

Боевое содружество киевлян и новгородцев дополнительно указывает на тот факт, что благодаря объединительному курсу Ярослава в Киевской Руси стало складываться чувство общенародного единства. Даже смерть Великого князя Киевского не прервала этот процесс –

парадоксальным образом отсутствие сильной власти после него (за исключением периода Владимира Мономаха и, в некоторой степени, Андрея Боголюбского) делала еще более насущным достижение общерусского единства, фундамент которого был заложен создателем империи. Содержание данного процесса, пожалуй, наиболее точно сформулировал профессор Василий Ключевский в своем классическом «Курсе русской истории»: «... сильные князья умели забирать в свои руки силы всей земли и направлять их в ту или другую сторону. Без них, по мере того как их слабые родичи и потомки запутывались в своих интересах и отношениях, общество все яснее видело, что ему самому приходится искать выхода из затруднений, обороняться от опасностей. В размышлениях о средствах для этого киевлянин все чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце и все вместе о Русской земле, об общем земском деле. Пробуждение во всем обществе мысли о Русской земле как о чем-то цельном, об общем земском деле, как о неизбежном, обязательном деле всех и каждого, – это и было коренным, самым глубоким фактом времени. . . Господствующие идеи и чувства времени, с которыми все освоились и которые легли во главу их сознания и настроения, в ходячие, стереотипные выражения. . . В XI–XII вв. у нас таким стереотипом была *Русская земля*. . . В этом и можно видеть коренной факт нашей истории, совершившийся в те века».

Не менее важными (особенно с учетом исторической перспективы развития империи) для Ярослава были и отношения с Византией. Не вызывает сомнения, что русско-византийская война 1043 г. имела под собой причины более глубокие, чем убийство в Константинополе русского купца и последующий отказ греков принести удовлетворение. Византия в силу как внешних, так и внутренних причин все более ослабевала, и тем сильнее ее беспокоило появление вместо слабой и раздробленной Киевской Руси нового сильного геополитического соперника, угрожавшего Константинополю потерей его традиционных геополитических зон влияния.

Отказ Константина IX Мономаха удовлетворить обоснованные требования Киева были демонстративным шагом, призванным унижить Ярослава. При этом византийский император явно не верил, что Ярослав решится на войну с Византией. В свою очередь, великий князь Киевский был хорошо информирован о военной слабости Византии (в том числе благодаря информации, полученной от своего будущего зятя Гаральда, служившего ранее в византийском войске) и, наоборот, почитал выгодным использовать ситуацию, чтобы показать – время византийского доминирования безвозвратно ушло. В поход на Константинополь Ярославом был направлен поставленный им на новгородское княжение сын Владимир (что давало великому князю Киевскому гарантию полного контроля над Новгородом и предупреждения в нем возможных проявлений сепаратизма) вместе с опытными военачальниками – Иваном Твомиричем из Киева и Вышатой из Новгорода, а также Гаральд с его варягами. Замысел Ярослава оправдался – хотя и не совсем так, как он рассчитывал. Русские войска потерпели поражение, но даже грекам было понятно, что оно носит во многом случайный характер и Киевская Русь стала одним из наиболее сильных государств христианского мира.

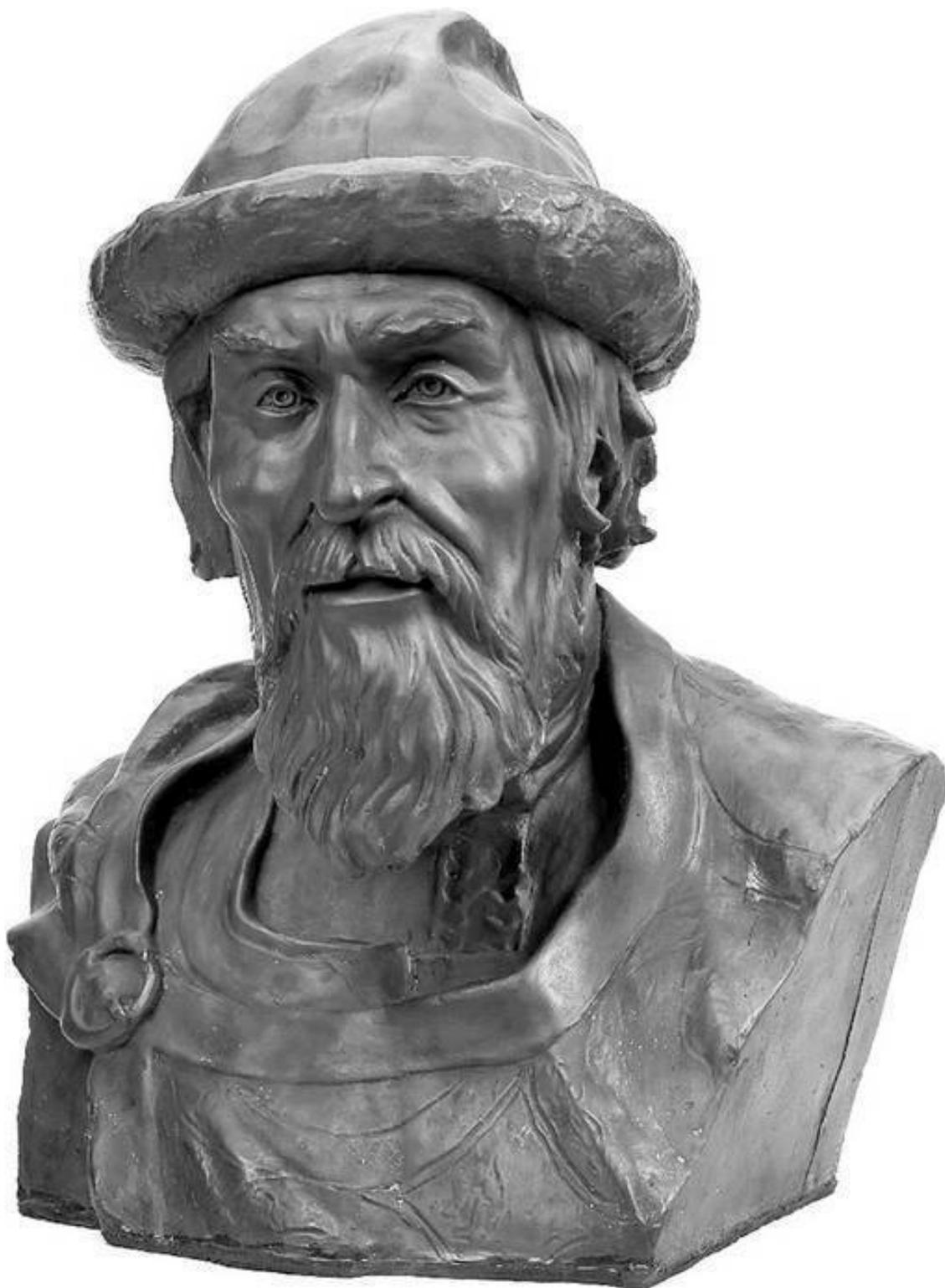
Вначале Владимир Ярославич упустил возможность заключить с греками почетный мир (фактически, они этим признавали свое поражение), запросив несоразмерно большую дань, что объяснялось влиянием на молодого князя его шурина Гаральда, который мечтал о взятии Константинополя. Но даже после этого, когда греки решились на сражение, победу им принесло счастливое стечение обстоятельств, что доказывает анализ хода этого крупнейшего морского сражения периода Киевской Руси.

Прежде всего остановимся на вопросе о численности русских войск. Византийские источники называют цифру в 100 тысяч воинов, но она явно сильно преувеличена. Точную численность посланного великим князем Киевским войска назвать точно невозможно, но не вызывает сомнения, что оно было действительно очень велико (вероятно, от 40 до 60 тысяч). Последнее доказывает еще раз незаурядные способности Ярослава как военачальника.

Собрать, снарядить и организовать в единую четко управляемую структуру столь большое для эпохи Средневековья количество воинов было крайне непросто.

После того как снаряжение войска было закончено, ладьи двинулись по Днепру, а потом по Черному морю (показательно, что его тогда называли Русским). Около устья Дуная флотилия остановилась для определения дальнейшего маршрута следования на Византию – сухопутного или морского. Владимир правильно выбрал морской, который был как быстрее, так и предоставлял больше возможностей для планировавшейся осады Константинополя. Вскоре Ярослав подошел к маяку Искресту (Фару), находившемуся прямо у входа в Босфор, и высадил на берег десант, который немедленно построил укрепленный лагерь. В это время навстречу русским войскам выдвинулся византийский флот из трирем, на каждой из которой был «греческий огонь» (на то время самое мощное оружие, которым никто, кроме византийцев, не обладал), а войска подошли к укрепленному лагерю по суше. Византийцы (которыми командовал лично император, находившийся на холме, откуда был хороший обзор), несмотря на обладание «греческим огнем», выжидали с началом атаки и некоторое время противостоящие флоты стояли в линейном строю друг против друга. Показательно, что русское командование применило, подобно византийцам, линейное построение кораблей, что свидетельствовало о наличии у него серьезных флотоводческих навыков.

Бой начался в полдень, когда Константин Мономах наконец решился отдать приказ на атаку, после которого были атакованы одновременно корабли и укрепленный лагерь Владимира. На море византийцы использовали для атаки три триремы, а на суше два легиона, что было меньше сил Владимира (византийцы, особенно на море, явно надеялись на свое качественное превосходство). Подобная самонадеянность едва не стоила им поражения. Русские воины на ладьях сумели очень быстро окружить корабли нападавших и сразу начали их абордаж с помощью таранов бревнами. Лишь с большим трудом, благодаря применению «греческого огня», от которого начали загораться ладьи, византийцы сумели отразить нападение.

Ярослав Мудрый. Реконструкция проведена по останкам черепа академиком Михаилом Герасимовым в 1938 г.

Увидев, что настала необходимость ввода в бой главных сил, византийский император направил к ладьям Владимира остальную часть своего флота, в том числе уже не только триремы, но и более крупные корабли. Русская флотилия была атакована, линейное построение было нарушено, но это еще не означало неотвратимого поражения – ладьи хорошо маневриро-

вали и поэтому применение «греческого огня» было далеко не столь эффективно, как надеялись византийцы. Исход битвы на море решила внезапно налетевшая буря, и именно ей византийцы обязаны достигнутой победой. Если более тяжелые византийские корабли устояли, то легкие русские ладьи были разбросаны и не смогли больше действовать сообща.

Было бы неправильным говорить о полном разгроме – часть ладей уцелела, и на берег сумели с них высадиться около шести тысяч воинов. Спаслись и командовавшие морским сражением Владимир Ярославич и Иван Творимирич, хотя они и находились в самом центре боя. Однако то, что русское войско лишилось большей части флота, делало невозможной и победу на суше – теперь речь могла идти лишь об отступлении с наименьшими потерями.

Поначалу это удалось – несмотря на все усилия, византийцы не сумели захватить русский укрепленный лагерь. Далее русское войско вынужденно разделилось – меньшая часть под командованием Владимира на немногих оставшихся ладьях уходила морем, а большая под командованием Вышаты, параллельно побережью по направлению к Дунаю. Возле Варны отступавший русский отряд был встречен сильным византийским войском и разбит, причем флотилия Владимира Ярославича и Ивана Творимирича не решилась в него вмешаться и бросила товарищей. Подобное стало возможным исключительно из-за отсутствия единого командования и, наверняка, если бы во главе русских войск стал лично Ярослав (который бы не потерпел сопротивления своей воле), то поход на Византию не закончился бы столь трагически.

Отметим, что немногочисленные оставшиеся в живых русские воины не были ослеплены (как это традиционно делали византийцы со всеми пленными), что было высшим знаком уважения к проявленной противником воинской доблести.

Несмотря на одержанную победу, Константин Мономах осознавал, что продолжение войны несет для Византии огромную угрозу, особенно усугубляющуюся не только растущей военной мощью Киевской Руси, но и активной дипломатией великого князя Киевского. Учитывая складывавшуюся международную конъюнктуру, было очевидно, что Ярослав сумеет заручиться поддержкой (в том числе, возможно, и военной) ряда влиятельных европейских государств против Византии, в то время как последняя оказалась фактически в международной изоляции. Это заставило византийского императора пойти в 1046 г. на заключение не только мира, но и равноправного союза с Ярославом (что фактически означало признание геополитического равенства Византии и Киевской Руси). Это подтвердило правильность решения Ярослава Мудрого начать войну с Византией, ставшей для него успешной, несмотря на неудачные военные действия. Тактически он проиграл, но стратегическая победа осталась за создателем древнерусской империи, что подтвердило его мудрость и как полководца. Этот пример можно считать прекрасной иллюстрацией к классическому тезису великого стратега Карла фон Клаузевица о сути войны: «Война является не самостоятельным делом, а продолжением политики другими средствами; ввиду этого главные линии всех крупных стратегических планов преимущественно имеют политический характер, который выступает тем сильнее, чем шире они охватывают войну и государство в целом. Весь план войны непосредственно вытекает из политического бытия воюющих государств и их отношений с другими державами».

Установление союзных отношений с Константинополем облегчило Ярославу и включение в общеевропейскую политику. Именно с этой целью Ярослав согласился оказывать Византии при необходимости военную помощь, что прямо предусматривалось заключенным соглашением. На основании русско-византийского соглашения дружина Ярослава в 1050 г. спасла Константинополь от взятия печенегами, что можно считать следующим этапом в русско-византийских отношениях – утверждения первенства Киевской Руси по отношению к Византии.

Небольшое замечание – следует опровергнуть обвинения Ярослава в том, что он специально организовал якобы заведомо обреченный на неудачу поход в Византию, чтобы уничтожить новгородскую дружину, подозревавшуюся им в нелояльности и готовности поддержать выступления против великого князя Киевского. Ни малейших подтверждений подобной вер-

сии не существует, Ярослав, наоборот, был совершенно уверен в успехе похода, к тому же у него не было никаких оснований сомневаться в лояльности новгородцев, которые находились под жестким контролем его сына. Не менее невероятно звучит, что Ярослав смог сознательно пожертвовать сильной новгородской дружиной, что серьезно ослабило позиции государства (в первую очередь, на севере-западе).

Справедливости ради заметим, что речь тут идет не о неспособности Ярослава к тем или иным проявлениям крайней жестокости (вновь подчеркнем – жестокости, по меркам нашей современности) и макиавеллизма (хотя данный термин обычно превратно понимают – и великий князь Киевский действительно основывал свой государственный курс на сформулированном через несколько столетий великим флорентийским мыслителем постулате о том, что государство основывается на организованной политической власти и законах). Когда новгородцы, в ответ на бесчинства варяжской дружины новгородского князя, в 1015 г. перебили большинство варягов, то князь отреагировал в духе того времени. Он заявил новгородцам, что прощает их и пригласил представителей знати к себе. Но вместо прощения княжеская дружина устроила массовую резню, в ходе которой было убито, по летописным данным, около тысячи человек (впрочем, цифра представляется сильно преувеличенной). Однако в эту же ночь он, как утверждает «Повесть временных лет», получил известие из Киева от своей родной сестры Предславы: «Отец умер, а Святополк сидит в Киев, убил Бориса, послал и на Глеба, берегись его». Ярослав сразу же понял, чем грозят ему лично действия Святополка, а также то, что справиться с убийцей первых русских святых ему без помощи новгородской дружины не удастся. Это заставило его покаяться и повиниться в своих действиях перед новгородцами и попросить их помощь в борьбе со Святополком. Новгородская знать на это согласилась (по каким причинам – скажем ниже) без всяких условий, и их представители ответили на Ярославов призыв о помощи: «Хотя, князь, братья наши и перебиты, однако можем по тебе бороться».

Отметим в связи с этими событиями следующее: будущий создатель древнерусской империи как политик сумел полностью обыграть знать Новгорода, которая поддержала князя, исходя лишь из собственных местнических интересов. Новгородская верхушка посчитала, что, поддержав своего князя в борьбе против великого князя Киевского, она тем самым может освободиться от власти Киева и сделать Новгород фактически независимым государством. Однако, предоставив помощь Ярославу в расчете на достижение сепаратистских целей, новгородская верхушка объективно действовала в целях создания единой империи Киевской Руси. Это было, конечно, совершенной неожиданностью для элиты Новгорода – все предыдущие действия Ярослава убедили ее в том, что он поддержит их намерения отложиться от Киева. Ведь еще совсем недавно, при жизни своего отца Владимира Святославича он отказался платить ему полагающуюся дань (т. е. де-факто отказался признавать верховенство великого князя Киевского), что едва не привело к началу военных действий. Владимир тогда, как свидетельствует Нестор, отдал приказ: «Расчищайте дороги и мостите мосты», что было равнозначно указанию начать подготовку похода на Новгород. В свою очередь, понимавший опасность для него прихода киевской дружины Ярослав призвал на помощь варягов, которые вскоре и стали причиной возмущения новгородцев. Призвание варягов свидетельствовало о том, что Ярослав не собирается отступать и готов сразиться с отцом, и только скоропостижная смерть Владимира в 1015 г. не дала начаться войне между Киевом и Новгородом. Ирония истории в том, что пытавшийся, ради эгоистических мотивов получения единоличной власти и увеличения доходов, посягнуть на лидерство великого князя Киевского новгородский князь вскоре стал главным борцом за единую русскую державу и будущим создателем древнерусской империи. А его честолюбивые мечты реализовались в степени несравненно большей, чем он мог предполагать перед смертью отца – желая вначале стать лишь полновластным хозяином Новгорода, он стал объединителем и полновластным хозяином всей тогдашней русской земли. Впрочем, это не является подтверждением отсутствия в истории нравственных императивов. Скорее,

можно вспомнить слова исторического персонажа другой страны и эпохи о том, что не важно, откуда пришел человек – важно, с чем он пришел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.